

В НЕЖНЫХ ОБЪЯТИЯХ ДРАКОНА:

«МЯГКАЯ СИЛА»
КИТАЯ В КАЗАХСТАНЕ

ОФ «СИНОПСИС. ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ КИТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

В НЕЖНЫХ ОБЪЯТИЯХ ДРАКОНА?

«Мягкая сила» Китая в Казахстане

Алматы, 2018

Содержание

Предисловие	5
Концепция «мягкой силы» Дж. Ная: современные тренды и подходы	7
Анализ «мягкой силы» Китая: обзор зарубежной литературы	19
Роль «мягкой силы» во внешней политике КНР: официальный дискурс Пекина	29
Как реализуется китайская политика «мягкой силы» в Казахстане?	47
Заключение	79

Данное исследование проведено при финансовой поддержке Фонда Сорос-Казахстан.

Точка зрения коллектива авторов, отраженная в данном исследовании, может не совпадать с точкой зрения как с официальной позицией Республики Казахстан, так и с позицией Фонда «Сорос-Казахстан». Ответственность за факты, сведения, суждения и выводы, содержащиеся в публикации, несут коллектив авторов.*

*Данное исследование было проведено при финансовой поддержке Фонда Сорос-Казахстан в 2015-2016 гг.

Предисловие

Китай стал одним из приоритетных внешнеполитических и экономических партнеров Республики Казахстан. Двусторонние связи в разных сферах неуклонно расширяются. Наряду с ростом объемов товарооборота параллельно увеличивается взаимозависимость стран друг от друга.

Несмотря на имеющиеся фобии и страхи в отношении Китая у населения Казахстана, за последние два десятилетия образ соседней Поднебесной в нашей республике постепенно изменился и отчасти с преобладанием положительных оценок.

Сегодня КНР достаточно позитивно рассматривается не только политиками, но и простыми обывателями. Так, к примеру, твердая ассоциация Китая с дешевыми и некачественными товарами постепенно сменилась хорошим образованием, относительно недорогим, но уже качественным оборудованием и, что немаловажно, с надежными и состоятельными инвесторами. Реплики продавцов «производство Пекин, фабричный» уже служат показателем знака качества товара. В результате именно относительно благоприятное отношение и населения и представителей властных структур Казахстана к Китаю способствовало резкому расширению китайского влияния в нашей республике.

Немаловажную роль в трансформации восприятия Китая в глазах и умах общественности стала играть целенаправленная политика КНР по расширению «мягкого» влияния. Именно элементы «мягкой силы» Пекина в последние годы стали приносить ощутимые плоды, и как результат — Китай получил более благосклонное отношение к себе со стороны ментально «чужих» центральноазиатских стран.

Как китайские власти проводят политику «мягкой силы» за рубежом? При помощи каких инструментов Пекин меняет отношение к себе? И как результат такой политики может повлиять на

Казахстан и другие государства нашего региона? Исследований, отвечающих на эти интересные и своевременные вопросы, на сегодня очень мало. Что касается кейса нашей страны, то данной теме все еще не уделялось большого внимания со стороны казахстанских аналитиков.

Между тем ясно, что проводимая сегодня Китаем политика мягкого влияния на соседние страны будет иметь долгосрочные последствия. А какими будут эти последствия — однозначно судить пока сложно.

Учитывая это обстоятельство, актуальность и малоизученность данной темы, группой аналитиков Общественного фонда «Синописис: Центр изучения Китая и Центральной Азии» под методологическом руководством доктора политических наук, известного китаевода Казахстана Сыроежкина К.Л., при поддержке Фонда «Сорос-Казахстан» предпринята попытка провести данное исследование. В написании предлагаемой работы непосредственное участие приняли:

Константин Сыроежкин — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, главный эксперт ОФ «Синописис», китаевед;

Руслан Изимов — руководитель программы китайских и азиатских исследований ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, директор ОФ «Синописис», китаевед;

Даурен Какильбаев — консультант по экономическим вопросам ОФ «Синописис»;

Замира Мураталиева — эксперт в области международных отношений. ведущий эксперт ОФ «Синописис», к.п.н.

Данияр Косназаров — сооснователь виртуального мозгового центра Bilig Brains, главный редактор портала Steppe, эксперт по центральноазиатским вопросам;

Динара Нурушева — сооснователь виртуального мозгового центра Bilig Brains.

Концепция «мягкой силы» Дж. Ная: современные тренды и подходы

Оценка «мягкой силы» Китая — вопрос не из простых. И не только потому, что в само это понятие в Китае вкладывается несколько иной смысл, чем в западной политологии. И не потому, что явление это для международных отношений относительно новое. Но и потому, что в настоящее время изменился сам характер войны, то есть использование «жесткой силы», а также инструментарий ее ведения. В современных условиях использование «нематериальных властных ресурсов» культуры, СМИ и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах играет куда большую роль в достижении победы, нежели инструментарий «жесткой силы» оружия и денег.

Однако, поскольку феномен «мягкой силы» Китая существует, более того, судя по последним заявлениям политического руководства КНР, во внешней политике ей отводится все более значимое место, небезынтересно дать ей оценку, сравнив с классическим пониманием этого феномена в западной политологии. Тем более что западные оценки «мягкой силы» Китая за последние годы существенно изменились. Если в середине 2000-х годов, еще до превращения «мягкой силы» в официальный лозунг КПК и КНР, автор теории «мягкой силы» Джозеф Най был настроен алармистски, и призывал «срочно дать ответ на рост «мягкой силы» Китая за счет Америки»,¹ то в более поздних публикациях он приходит к выводу, что миллиарды долларов, вложенные Пекином в увеличение «мягкой силы», не принесли заметного успеха. Опросы показывают, что мнение о китайском влиянии положительное в значительной части Африки и Латинской Америки, но в основном отрицатель-

¹See: Nye J. and Jisi W. The Rise of China's Soft Power and Its Implications for the United States. — In: Power and Restraint: A Shared Vision for the U.S. — China Relationship /Ed. by Rosecrance R and Guoliang G. — New York: Public Affairs, 2009.

ное в США, Европе, а также в Индии, Японии и Южной Корее. По его мнению, «Китай и Россия допускают ошибку, думая о том, что главный инструмент мягкой силы — это государство».²

Хотя эта оценка выглядит довольно спорно, нельзя не признать того факта, что главного в «мягкой силе» — привлекательности и убедительности Китаю действительно не хватает. Но в равной степени сегодня этого не достаёт и «мягкой силе» Запада. Более того, Китай заявляет, что не намерен ни сейчас, ни в будущем навязывать свои идеи и свой путь развития другим странам, выдавая его за универсальный эталон общественного устройства. Это важное отличие Китая как великой державы от ведущих стран Запада, стремящихся переделать окружающий мир, исходя из собственных взглядов и ценностей.³

Во всяком случае, именно попытка насильственного навязывания западных ценностей привела не только к краху всей системы международных отношений, но и самого гегемона. Приняв на себя функции «мирового жандарма», США оказались не в состоянии их эффективно выполнять. Более того, в их лице мир потерял «гаранта» в области международной безопасности, финансов, технического прогресса, демократии и т. п.

Вне всякого сомнения, США по-прежнему остаются единственной сверхдержавой, самой мощной страной мира в военном и экономическом отношении, однако отношение к ним в мире изменилось. Доминирование США в мировом сообществе не только с раздражением воспринимается представителями других потенциальных центров силы, но отнюдь не приветствуется даже их союзниками. К аналогичному выводу приходят и в самих США. Как подчеркивает З. Бжезинский, «потеря Соединенными Штатами доверия на международной арене и растущая изоляция США — это аспекты тревожного парадокса: американская мощь в мире достигла своего апогея, но при этом политическая роль США в мире упала до самой низкой отметки».⁴

²См.: Най Джозеф. Будущее власти. — М.: АСТ, 2014. С. 292—306; Nye Joseph S. What China and Russia Don't Get About Soft Power// Foreign Policy. — 2013. — April, 29.

³См.: Титаренко М., Ломанов А. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы// Проблемы Дальнего Востока. — 2015. № 3. — С. 18.

⁴См.: Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. — М.: Международные отношения, 2007; Бжезинский З. Мир утратил доверие к политике США// The Washington Post, 10 ноября 2003 г. — <http://www.inosmi.ru/>.

И это вполне объяснимо. Закат любой гегемонии даже при самых благоприятных для нее обстоятельствах предвещают три причины: другие государства, или коалиции государств, приобретают сопоставимую силу; имперское перенапряжение подрывает силы самого гегемона; внутреннее состояние создает условия для морального разложения и ослабления. Реальность сегодняшнего дня, к сожалению, такова, что все эти три причины, в той или иной степени развитости, имеются в наличии.

Причем произошел этот крах именно в период внедрения в практику теории «мягкой силы». И произошел он не потому, что плохой оказалась сама теория, а потому, что при ее практическом использовании, как это бывает в большинстве случаев при ожидании быстрых результатов, «из купели вместе с водой выплеснули ребенка».

И здесь возникает ряд вполне закономерных вопросов: что представляет собой «мягкая сила» в ее классическом понимании; как она эволюционировала и почему потеряла свою привлекательность и убедительность; чем отличается «мягкая сила» в понимании Китая и каково будущее этой концепции в китайской внешней политике вообще и по отношению к сопредельным странам, в частности.

«Мягкая сила» с точки зрения классика. По мнению Джозефа Ная, «мягкая сила страны прочно зиждется на трех основных источниках: ее культуре (в местах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она сама живет согласно этим ценностям и руководствуется ими в отношениях с другими странами) и ее внешней политике (когда другие считают ее законной и имеющей моральное право)». Причем, как подчеркивает Дж. Най, «те условия, которые выше были заключены в круглые скобки, по сути, ключ в определении того, будут ли ресурсы, обладающие потенциальной мягкой силой, трансформированы в поведение с целью привлечения на свою сторону, которое может воздействовать на других для получения благоприятных результатов».⁵

И последнее уточнение автора теории «мягкой силы» имеет определяющее значение, поскольку, когда элементы привлекательности, убедительности, легитимности и законности исчезают, то на смену «мягкой силе» приходит политика унилатерализма, которая очень скоро сменяется политикой «двойных стандартов» и доми-

⁵См.: Н. Джозеф. Будущее власти. С. 152–153.

нированием «права силы». Собственно говоря, именно это и можно было наблюдать в международных отношениях в 2000-е годы, да и в настоящее время.

Круг источников «мягкой силы» у Дж. Найа довольно широк. Это не только культура, ценности и политика. К числу источников «мягкой силы» могут быть отнесены экономические ресурсы, если они используются не для понуждения, а для привлечения. К числу источников Дж. Найа относят и военные ресурсы, но в случае, когда они обладают легитимностью. Как подчеркивает Дж. Най, «хорошо упакованный военный может быть объектом внимания, сотрудничество в военной области и программы подготовки могут создать транснациональную сеть, увеличивающую мягкую силу страны». Однако «безразличие к принципам справедливой войны, дискриминация, непропорциональное применение силы могут уничтожить легитимность».⁶

Что касается инструментария «мягкой силы», то в понимании Дж. Найа он должен состоять из трех базовых компонентов: методов привлечения, методов убеждения и методов, подталкивающих к принятию требуемого решения.

Цель методов привлечения — создание у объекта воздействия благоприятного восприятия самого субъекта воздействия и его действий. По меньшей мере необходимо сформировать хотя бы иллюзию «добросердечности», «компетентности» и приверженности принципам и ценностям, которые бы разделялись объектом воздействия. Как подчеркивает Дж. Най, привлечение «может относиться как к привлечению внимания — либо в позитивном плане, либо в негативном, так и в равной мере к созданию эффекта обольщения или позитивного магнетизма».⁷ «Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны».⁸

«Убеждение очень тесно связано с привлечением. Оно представляет собой использование аргумента для того, чтобы повлиять на убеждения и действия других без применения угрозы силой или

⁶См.: Там же. С. 156.

⁷См.: Там же. С. 164.

⁸См.: Най Джозеф. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль XXI. — 2004. № 10.

обещания подачки. Убеждение почти всегда подразумевает какую-то степень манипулятивности, какие-то моменты при этом подчеркиваются, а какие-то игнорируются». ⁹

Наконец, конечной целью использования инструментария «мягкой силы» является подталкивание объекта воздействия (через методы привлечения, убеждения и воздействия на элиты и общественное сознание) к принятию решения, требуемого субъекту воздействия.

Причем, как подчеркивает Дж. Най, «решающим для создания мягкой силы является не только попытка оказания влияния со стороны субъекта, но и собственное восприятие объекта», ¹⁰ поскольку «то, что привлекательно для одного объекта, может вызвать отвращение у другого». Именно поэтому использование инструментария «мягкой силы» в качестве предварительного условия требует тщательного изучения самого объекта воздействия и оценки восприимчивости им воздействия «мягкой силы».

Собственно говоря, вышеуказанными положениями теория «мягкой силы» в ее классическом понимании и ограничивается. Но, понимая, что для реальной политики этого явно недостаточно, Дж. Най вводит еще одно понятие — «умная сила»: конкретные рекомендации по использованию «мягкой силы» в реальной политической практике.

Напоминая, что недостаток силы (ресурсов) не дает желательного результата, но и «слишком много силы (в плане ресурсов) может стать скорее проклятием, чем выгодой, если ведет к самоуверенности и неадекватным планам действий по трансформации силы», ¹¹ Дж. Най рекомендует в реальной политике задаваться следующими вопросами:

Во-первых, какие цели или результаты предпочтительны? «Это означает выбор приоритетов, которые ведут к выработке необходимых уступок».

Во-вторых, какие результаты доступны и при каких обстоятельствах? «Необходимо сделать точную и полную ревизию всех ресурсов, но также необходимо понимание того, когда они могут пригодиться (или не понадобятся) и как их доступность может меняться в зависимости от различных обстоятельств».

⁹См.: Най Джозеф. Будущее власти. С. 166.

¹⁰См.: Там же. С. 167.

¹¹См.: Там же. С. 337.

В-третьих, каковы позиции и предпочтения усилий в отношении объектов влияния? «Необходимо иметь четкое представление о возможностях и тенденциях потенциальных противников».

В-четвертых, какие виды силового поведения вероятнее всего ведут к успеху? «Выбор командной силы в зависимости от конкретной ситуации, а также проведение тактических мероприятий, с тем чтобы они содействовали больше укреплению друг друга, а не подрывали один другого».

В-пятых, какова вероятность успеха? Тщательная оценка вероятности успеха в достижении целей как на уровне великой стратегии, так и в тактических вопросах при любой конкретной попытке оказания воздействия, что требует четкой оценки международных пределов. «Благородные цели могут иметь ужасные последствия, если им сопутствует излишний оптимизм или умышленное ослепление в отношении вероятного успеха».¹²

К сожалению, не все из сказанного выше в реальной политике США смогли применить. Напротив, с распадом СССР и возникновением тенденции к возрождению «*Rex Americana*», ставшей особенно отчетливой после 11 сентября 2001 года, в политике США на международной арене преобладает тенденция к доминированию и использованию «права силы», что в корне противоречит всем принципам использования «мягкой силы». Последнее признается не только процитированным выше З. Бжезинским, но и Дж. Наем.¹³

Стратегия глобального лидерства и концепция использования «права силы» во внешней политике были озвучены политическим руководством США сразу после событий 11 сентября 2001 года, а окончательно зафиксированы в принятой в сентябре 2002 года «Стратегии национальной безопасности США».¹⁴

В этом документе, во-первых, подчеркивалось, что США более не допустят «наращивания потенциальными противниками военной мощи в надежде превзойти мощь США или сравняться с ней».

Во-вторых, фиксировалось право действовать не только на своей территории, но и за ее пределами.

В-третьих, заявлялось о необходимости ослабления зависимости США от постоянно действующих альянсов и международных организаций.

¹²См.: Там же. С. 338 – 340, 354 – 371.

¹³См.: Най Джозеф. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения.

¹⁴See: The National Security Strategy of the United States of America. – Washington: The White House, September, 2002. <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf/>.

В-четвертых, декларировалось право США на превентивные действия, включая вторжение на территорию суверенных государств, «даже если существует некоторая неопределенность относительно времени и места нападения врага», а также пресечение всяких попыток поставить под сомнение роль США как мирового арбитра или их право «действовать самостоятельно, когда этого потребуют наши интересы и наши уникальные обязанности».

Наконец, ставилась задача принудительной демократизации в качестве ответа на проблему ближневосточного терроризма. В дальнейшем все эти тезисы фиксировались в новых стратегиях обеспечения национальной безопасности,¹⁵ а также других документах, в которых давалась оценка роли США в мире, угроз, с которыми они призваны бороться, а также действий США по «продвижению демократии».

Причем к основным инструментам «мягкой силы» в арсенале США были отнесены: «цветные революции», информационные войны, культурная гегемония, насильственное внедрение западных «ценностей», финансовые и экономические санкции и формирование системы управляемого хаоса.

При этом уже к концу 1990-х годов, когда под предлогом «ликвидации гуманитарной катастрофы» или «обеспечения прав человека» участилась практика вмешательства во внутренние дела, было вполне очевидно, что тезис о безусловном и повсеместном доминировании так называемых либерально-демократических ценностей весьма спорен.

Во-первых, по существу, уже в те годы и особенно после событий 11 сентября 2001 года наблюдалась обратная картина. В мире, в том числе и в «странах развитой демократии», имелась склонность к отрицанию либеральных ценностей, тяга к консерватизму, к «корням», к «упорядоченному развитию», понижению степени личных и общественных свобод, тем более в условиях ограниченности имеющихся ресурсов, усиления террористической волны, возможного межцивилизационного кризиса.

Во-вторых, «события 11 сентября» продемонстрировали, что либерально-демократические государства плохо приспособлены для борьбы с террористическими угрозами нового типа, и было

¹⁵See: The National Security Strategy of the United States of America. — Washington: The White House, March, 2006; National Security Strategy. — Washington: The White House, May, 2010; National Security Strategy. — Washington: The White House, February, 2015.

достаточно неожиданным наблюдать, с какой легкостью большинство американцев согласились на ограничения личных прав и свобод (хотя бы временное), в обмен на ощущение большей личной безопасности.

В-третьих, сама либеральная идеология теряла свою привлекательность. Более того, во многих странах мира, Европа и Америка в этом плане не исключение, приходило осознание того, что доминирование либерализма несет в себе потенциальную опасность для государства. Не говоря уже о том, что тезис об «универсальной модели развития» всего лишь миф, порожденный эпохой глобализации, не имеющий ничего общего с политической реальностью.

Начиная с 2010 года, в США активно формируется юридический фундамент для применения во внешней политике инструментов и технологии «мягкой силы». К основополагающим документам относится директива президента США от 22 сентября 2010 года по вопросам глобального развития. В директиве указаны основные направления деятельности федеральных органов страны по использованию негосударственных организаций в сфере экономического, гуманитарного, финансового и прочего содействия зарубежным странам в интересах сохранения глобального лидерства, улучшения международного образа США и повышения привлекательности американского стиля жизни.

Документ конкретизировал направления и основные формы взаимодействия государственными и частными структурами США элементов «мягкой силы». В частности, для эффективного продвижения интересов США было предписано разработать «Четырехлетний обзор дипломатии и развития» (на период 2011 – 2014 годов); сформировать при Совете национальной безопасности США межведомственный комитет по глобальному развитию; создать национальный совет по глобальному развитию из представителей федеральных и негосударственных структур; на регулярной основе (каждые четыре года) уточнять национальную стратегию по глобальному развитию.¹⁶

В декабре 2010 года Госдеп и Агентство США по международному развитию (АМР) впервые подготовили и представили президенту и Конгрессу концептуальный документ «Четырехлетний обзор дипломатии и развития» (QDDR-2010),¹⁷ полностью посвященный

¹⁶См.: Гундарева Л. В. От стихийного бунта к плановой смене власти// Независимое военное обозрение, 9 октября 2015 г.

¹⁷Leading Through Civilian Power. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review. Washington: U.S. Department of State, USAID, 2010. www.state.gov/qddr/.

проблеме применения США «мягкой силы» как одного из ключевых компонентов реализации их внешнеполитического курса.

Согласно этому объемному 219-страничному документу, основные усилия США должны быть сосредоточены на четырех основных направлениях:

- формирование новой архитектуры международного партнерства США, активизация публичной дипломатии в отношении неправительственных и общественных организаций, неформальных объединений, коммерческих структур и национальных диаспор с учетом их возрастающей роли в формировании внешней и внутренней политики стран мира;
- корректировка практики оказания прямой безвозмездной помощи зарубежным странам в сторону ее большей увязки с вопросами торгово-экономической и кредитно-инвестиционной политики;
- расширение сферы деятельности АМР и повышение его роли как одного из основных каналов распространения американского влияния в мире, налаживания устойчивого диалога с проблемными странами путем оказания разноплановой экономической, социальной и гуманитарной помощи;
- повышение качества взаимодействия Госдепа и Пентагона за рубежом, в первую очередь, в условиях постконфликтного и посткризисного восстановления, в интересах обеспечения доминирующего американского влияния на региональные процессы.

Особое внимание в обзоре было уделено необходимости введения в дипломатическую практику новых форм и методов работы, прежде всего расширения так называемой неправительственной деятельности за пределами официальных рамок посольств и консульств.

В числе конкретных мер было предложено закрепить за АМР вопросы гуманитарного и технического реагирования на неполитический кризис (природное бедствие, техногенная катастрофа, пандемии и пр.), а за Госдепартаментом — задачи комплексного реагирования на политические кризисы, представляющие угрозу интересам США.

В начале 2015 года вышел в свет QDDR-2015.¹⁸ Он менее объемный (всего 85 стр.), но не менее амбициозен по поставленным в

¹⁸Enduring Leadership in a Dynamic World. Quadrennial Diplomacy and Development Review. Washington: U.S. Department of State, USAID, 2015.

нем задачам. Презентуя его, госсекретарь Джон Керри подчеркнул: «Везде, где мы присутствуем, мы являемся лидирующими». Причем объектами распространения демократии, американской мечты, американских ценностей стали практически все страны мира.

QDDR-2015 содержит четыре сквозные темы.

Первая тема — развитие партнерских отношений с другими странами и вовлечение их населения в сотрудничество с США вне национальных границ. Американские дипломаты и специалисты по развитию должны сосредоточиться на укреплении партнерских связей с гражданским обществом, общественными организациями и движениями, их лидерами, религиозными деятелями, предпринимателями и всеми, кто разделяет американские ценности.

Вторая тема касается улучшения руководства управленческой деятельностью с целью развития в различных странах плюрализма, прозрачности власти и демократии, а также расширения борьбы за права человека. США будут развивать партнерские отношения с народами и их представителями, которые «вовлечены в трудную работу строительства сильного, демократического управления с соблюдением международных норм и стандартов». Из обзора следует, что такое строительство подразумевает в различных странах борьбу гражданского общества с коррупцией, чиновничьим произволом и другими негативными явлениями в системе государственного управления.

Третья тема посвящена вопросам сбалансированного сочетания продвижения американских интересов и безопасности.

Наконец, четвертая тема — передовые технологии, в частности, технология управления знаниями. Для расширения информационных возможностей Госдепартаментом запланировано создание многоуровневого хаба для анализа, изучения, разработки стратегии и управления данными.

Кроме того, в QDDR-2015 выделены четыре глобальных политических приоритета:

1. Предотвращение и смягчение последствий конфликтов и проявления экстремизма.
 - Усилить профилактику в борьбе с экстремизмом
 - Укрепить нашу способность предотвращать внутренние конфликты, злодеяния и слабость

2. Содействие созданию открытого, жизнестойкого и демократического общества.
 - Поддержка демократии, прав человека и управления
 - Развитие антикоррупционных инициатив
 - Усиление поддержки гражданского общества и защиты открытого Интернета
 - Углубление партнерства и защита прав человека.
3. Продвижение инклюзивного экономического роста.
 - Приоритетность инклюзивного экономического роста
 - Повышение экономического лидерства и экспертизы
 - Улучшение нашего использования данных и диагностики.
4. Смягчение последствий и адаптация к климатическим изменениям.
 - Укрепление климатической дипломатии и развития
 - Укрепление кадрового потенциала и взаимодействие в вопросах климата
 - Интеграция климатических изменений во все наши дипломатические и опытно-конструкторские дела
 - Определить критические страны по изменению климата
 - Развернуть дипломатию по изменению климата и чистой энергии за пределами государственной власти.

Как показал вышеприведенный анализ, грамотно выстроенная мягкая сила может убедить остальной мир в том, что любое государство, в том числе Китай, является миролюбивой и справедливой политической силой, которая также может привлекать и своей культурой и моделью.

Важно отметить, что многие западные специалисты подвергают критике мягкую силу Китая, сомневаются в ее целесообразности и даже считают, что огромные вливания в мягкую силу Китая не будут окупаться в будущем. В качестве аргументов исследователи приводят тот факт, что политическая система Китая отличается от американской: Китай изначально не сможет привлечь остальной мир в виду отсутствия либерального демократического режима, идей свободы, политического участия и гражданских свобод. В силу того, что Китай представляет собой диаметрально противоположный пример модели государства, отличающийся от США, некоторые исследователи полностью исключают вариант того, что Китай сможет стать привлекательным государством.

Однако, на наш взгляд, подобный подход является ограниченным, так как он применим лишь сквозь призму американского взгляда и идей. Бесспорно то, что США являются родоначальниками и пионерами в проведении мягкой силы. Тем не менее, важно учитывать, что не все государства мира похожи и могут перенимать американскую модель политической системы и ценностей.

Говоря о Китае хотелось бы отметить, что эта страна может служить привлекательной витриной модели политической системы для лидеров и политических деятелей, к примеру, в ЮВА и других странах мира. Многие лидеры видят в Китае мощную силу, способную бросить вызов США и диктату западных ценностей, при этом обеспечивая экономическую стабильность для своих граждан.

В эпоху экономической нестабильности, экономических войн и санкций, растущей безработицы и многополярного мира, американская модель уже не является единственно возможной и правильной. В то время как Китай продолжает набирать мощь, а также представлять парадигму стабильности и экономического роста, изучение его собственного пути реализации мягкой силы представляется более, чем актуальным.

Анализ «мягкой силы» Китая: обзор зарубежной литературы

Литература по изучению «мягкой силы» Китая разнообразна. Успех Китая в области экономической и военной модернизации достаточно хорошо и давно изучен. Меньше внимания со стороны ученых получила «мягкая сила», которая начала реализоваться в форме мега-мероприятий, таких как Олимпийские игры 2008 года, Всемирная выставка «Шанхай-Экспо-2010», открытие и поддержка институтов Конфуция во многих странах мира, и возрастающий вклад в глобальную миротворческую деятельность.¹⁹ Такие масштабные мероприятия ежегодно привлекают ведущих деятелей со всего мира в Китай.

Chen S. и Feffer J. подчеркивают неоднозначность применения китайских «инструментов» «мягкой силы» во внешней политике.²⁰ Если подумать о мягкой политике США, то на ум приходит бейсбол, «МакДональдс» или свобода слова. А если речь заходит о китайской «мягкой силе», вспоминается пекинская утка, панда или конфуцианство. Американские инструменты более распространены, чем китайские. Академические работы также отражают эту ситуацию. Автор приводит пример, что при поиске статей в базе данных China Knowledge Resource Integrated Database на английском языке, включающих сочетание «мягкая сила» в заголовке, отсутствуют до 2000 г., в 2000 – 2005 гг. – 15 статей, и с 2006 – 2011 гг. наблюдается заметное увеличение количества – 467 упоминаний.

¹⁹Shambaugh (2015), China's Soft Power Push: The Search for Respect, July/August, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push>

²⁰Chen S. and Feffer J. (2009), China's Military Spending: Soft Rise or Hard Threat? Asian Perspective, vol. 33, no. 4, 2009, pp. 47–67 // http://archives.cerium.ca/IMG/pdf/Chen_-_Military_spending.pdf

Ученые делают попытку концептуализации понятия китайской «мягкой силы».²¹ При этом единое консенсусное мнение о том, что представляет собой «мягкая сила» Китая в академической среде не сформировалось. Более того, само академическое и политическое осмысление этого феномена происходит практически одновременно. СМИ и научно-исследовательские центры используют данные опросов, которые дают лишь фрагментарную картину.

Концептуализируя мягкую политику Китая, Chen S. и Feffer J. попытались рассмотреть формирующийся имидж страны — «альтернативный Китай» в Латинской Америке и Африке, разделив концепцию «мягкой силы» на две составные части — «защищающую» и «очаровывающую».²² Первое подразумевает привлечение других стран через идею «мирного развития», второе касается политики Китая по привлечению к «альтернативному Китаю», через помощь без «натянутых струн» или Пекинский консенсус.

Исследователи изучают многочисленные составные части «мягкой силы», такие как китайская культура, язык, кухня, кредиты, фестивали, олимпиада, городская культура, медицина, туризм и другое. Множество работ посвящены изучению роли и эффективности институтов Конфуция по всему миру. В то же время в академической среде ведутся споры о том, какие именно аспекты можно рассматривать в качестве инструментов «мягкой силы». Для некоторых исследователей экономическое присутствие Китая является отражением политики «мягкой силы».²³ В то время как другие авторы не рекомендуют ограничиваться лишь этими инструментами политики, так как экономические сделки в случае наличия встречных требований сложно рассматривать в качестве инструмента «мягкой силы».²⁴ Эксперты приводят пример: если

²¹Ho B. (2012) *China's Global Role: Need for Soft Power?*, RSIS Commentaries no. 006, Singapore, Nanyang Technological University, January 9, [//https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/handle/10220/7541/RSIS0062012.pdf?sequence=1](https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/handle/10220/7541/RSIS0062012.pdf?sequence=1)

²²Chen S. and Feffer J. (2009), *China's Military Spending: Soft Rise or Hard Threat?* *Asian Perspective*, vol. 33, no. 4, 2009, pp. 47-67 [// http://archives.cerium.ca/IMG/pdf/Chen_-_Military_spending.pdf](http://archives.cerium.ca/IMG/pdf/Chen_-_Military_spending.pdf)

²³Kurlantzick J. (2006), *China's Charm: Implications of Chinese Soft Power*. Carnegie Endowment Policy Brief, vol. 47 (June), pp. 1–8.

Gill B. and Huang (2006), *Sources and Limits of Chinese 'Soft Power.'* *Survival*, vol. 48, no. 2, pp. 17–36.

Lum T., Morrison W., and Vaughn B. (2008), *China's 'Soft Power' in Southeast Asia*, CRS Report for Congress, January 4

²⁴Blanchard J. and Lu F. (2012) *Thinking Hard About Soft Power: A Review and Critique of the Literature on China and Soft Power*, *Asian Perspective*: October-December 2012, vol. 36, no. 4, pp. 565–589.

кредит на строительство футбольного стадиона предполагает заключение сделки по освоению ресурсов, то расценивать это действие как инструмент «мягкой силы» крайне сомнительно. По их мнению, термин «мягкая сила» теряет свою суть, если платежи связаны с экономическими аспектами, такими как гранты, кредиты или списание задолженности.

«Культура — основа мягкой силы» — так звучит мейнстримный взгляд китайских ученых, который впервые в 1990-х гг. озвучил Wang Huning.²⁵ Другая группа ученых не отрицает важности культурной составляющей, но делает акцент на том, как используются ресурсы «мягкой силы», резюмируя тем, что основа лежит в политической силе.²⁶ Авторы считают, что «мягкая сила» должна включать в себя международную привлекательность, международную и внутреннюю мобильность. Они — одни из немногих авторов, которые пытаются рассчитать «мягкую силу» Китая, делая заключение, что на данный момент политика Поднебесной составляет одну треть политики «мягкой силы» США. Ученые подчеркивают необходимость в проведении оценки эффективности инвестиций в политике «мягкой силы», и не только в более глубоком изучении различных инструментов политики, а в выработке общих критериев, эффект которых можно было рассчитать.²⁷

Китай возобновил свою привлекательность, прежде всего, посредством экономической помощи бедным странам, ставшей известной как «китайское наступление очарованием». Но в журнале *Current History Jing Sun* приводятся аргументы о том, что Китай не получил выгоды от инвестиций в «мягкую силу».²⁸ Дж. Най объясняет это не снижением роли «мягкой силы» в мировой политике, а в силу ограничений мягкой стратегии страны, которая сфокусирована в основном на культуре и игнорирует гражданское общество и ущерб националистической политике. По его мнению, Китай по-

²⁵Glaser B. and Murphy M. (2009), *Soft Power with Chinese Characteristics: Ongoing Debate* // http://csis.org/files/media/isis/pubs/090310_chinesesoftpower__chap2.pdf

²⁶XiaolingZh. (2009), *Chinese State Media Going Global, East Asian Policy* // http://www.eai.nus.edu.sg/Vol2No1_ZhangXiaoling.pdf

²⁷d'Hooghe I. (2010), *The Limits of China Soft Power in Europe: Beijing's Public Diplomacy Puzzle*, Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', *Clingendael Diplomacy Paper no. 25* // http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20100100_cdsp_paper_dhooghe_china.pdf

²⁸Sun J. «Charmless Offensive: the Fate of Soft Power in East Asia», *Current History: a Journal of Contemporary World Affairs*, September 2013, vol. 112, no. 755, pp. 217-223.

лучил бы больше отдачи от своих инвестиций, если бы дал свободу талантам китайского общества.²⁹

Несмотря на то, что концепция «мягкой силы» приобрела известность относительно недавно, во внешней политике КНР она не является абсолютно новым феноменом. По мнению китаеведа Константина Сыроежкина³⁰, в основе древнекитайского трактата по искусству войны «36 стратагем» лежит именно «мягкая сила», где акцент ставится на способности использования слабых сторон противника.

Эксперт Роман Погорелов называет «мягкую силу» Китая одним из эффективных рычагов управления в условиях реализации политики «нового регионализма». Пекин пытается активно задействовать миролюбивую внешнюю политику, экономический альтруизм, привлекательность духовной и материальной культуры древнего и современного Китая.³¹ Популяризация культуры Китая и его глобального видения достаточно слабы, по сравнению с успехами в экономическом плане. Автор подчеркивает недостаток «универсальных» ценностей, которые были бы привлекательными для всех. Возросшее количество людей, изучающих китайский язык, и большой интерес к стране, считает Погорелов, обусловлен стремлением привлечь инвестиции Китая, а не достижениями культурной политики Поднебесной.

Дж. Най утверждает, что международная коммуникация, поддерживаемая государством, вносит вклад в публичную дипломатию страны в трех направлениях — краткосрочном, стратегическом и долгосрочном.³² После событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, коммунистические лидеры Китая продолжали делать акцент на роли публичной дипломатии в развитии и укреплении китайской «мягкой силы». Международное вещание всегда являлось важным компонентом публичной дипломатии. Начиная с 1990-х гг. коммунистическое правительство приложило большие усилия для

²⁹Nye J. Why China is weak on soft power? New York Times, January 17, 2012, http://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?_r=0

³⁰Сыроежкин К. «Мягкая сила» Китая (к итогам VI пленума ЦК КПК 17-го созыва) // Analytic, 2011, № 5 «Превращение Китая в глобальную державу - пока миф» // ИА REGNUM, 18.04.2012, <http://www.regnum.ru/news/polit/1522081.html#ixzz3Oaulpxxr>

³¹Погорелов Р. «Мягкая сила» КНР и что Пекин может предложить миру». NEO — Новое восточное обозрение // 10.04.2014, <http://ru.journal-neo.org/2014/04/10/rus-myagkaya-sila-kr-i-cto-pek-in-mozhet-predlozhit-miru/>

³²Nye, J. (2010), American and Chinese Power After the Financial Crisis, The Washington Quarterly, vol. 33, no. 4, pp. 143-153

повышения конкурентоспособности международного вещания. Согласно Дэвиду Шамбо, внешняя политика Китая периода пост-Мао ориентирована на 4 принципах:

1. Рассказывать историю Китая миру
2. Придавать огласке государственную политику Китая и его перспективы, и пропагандировать китайскую культуру
3. Противодействовать так называемой враждебной иностранной пропаганде (например, территории угрозы Китая)
4. Препятствовать призывам Тайваня к независимости и пропагандировать единство.³³

Для осуществления этой политики за рубежом китайское правительство и государственные предприятия привлекают иностранных лоббистов, брендовых консультантов и стратегов. Государственные новостное агентство «Синьхуа», Международное радио, Центральное телевидение Китая, газета China Daily активизировались для улучшения международного имиджа страны. В конце 2006 года в русле либерализации освещения событий коммунистическое правительство сняло запрет, длившийся десятилетия, для иностранных журналистов.

Другая группа ученых фокусируется на внешней политике Китая, называя ее основой «мягкой силы». Последователь культурной школы Yu Xintian включает мысли, идеи, принципы, институты и политику в понятие «мягкой силы». Все они взаимодействуют тесно и не могут рассматриваться отдельно от культуры нации. Yu, ранее директор Шанхайского института международных исследований, считает, что «чем изысканнее и моднее идеология, тем больше людей ее примут и больше вероятности выстроить «мягкую силу» страны».³⁴

Более того, наличие около 40 млн. китайской диаспоры³⁵, включая как китайцев с зарубежными паспортами, так и граждан КНР, живущих за рубежом, стало очень важным фактором в публичной дипломатии Китая. В последние годы коммунистические лидеры

³³Shambaugh D. (2007), China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy, The China Journal, no.57 // <http://myweb.rollins.edu/tlairson/china/chipropropaganda.pdf>

³⁴XintianY. «The Role of Soft Power in China's Foreign Strategy». GuojiWentiYanjiu, 13.03.2008

³⁵Geremie R. Barme. «Strangers at Home». 19.07.2010// Wall Street Journal <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748704682604575369390660095122>

приняли серию политических решений по вовлечению диаспор в распространение «мягкой силы» и идей страны во внешнем мире. Лидеры рассматривают политику «мягкой силы» как средство повышения национальной мощи и возобновления статуса великой державы своей страны.

Несмотря на усилия, восприятие Китая в мире достаточно разное. В США, Европе, Индии, Японии и Южной Корее люди склонны негативно относиться к Китаю.³⁶ В Африке и Латинской Америке у Китая положительный имидж. Большая часть исследований посвящена изучению влияния политики «мягкой силы» Китая в этих регионах.³⁷ Диана Чойлева, ведущий экономист в «Ломбард-стрит Ресеч» в Лондоне, считает, что, несмотря на наличие безвозмездной помощи Африке со стороны Китая, страна не заинтересована в отслеживании, насколько рационально используются эти средства для развития страны.³⁸ В этом же ключе рассуждает Адам Гайе, описывая китайско-африканские взаимоотношения как «нависающего огромного дракона над испуганным страусом».³⁹ Многие соглашались с ним, указывая на то, что Китай поддерживает диктаторов, которые не заинтересованы в улучшении благосостояния населения.

Китай упрочил свое намерение развивать отношения с Африкой путем создания Форума сотрудничества «Китай — Африка» в 2000 году. С этого момента Китай придерживается двух подходов в экономическом сотрудничестве с континентом. КНР предлагает кредиты на развитие в обмен на ресурсы для богатых ресурсами государств, тогда как для остальных стран Африки — развитие торговли и экономических связей. Примечательно, что все 9 стран,

³⁶d'Hooghe I. (2010), *The Limits of China Soft Power in Europe: Beijing's Public Diplomacy Puzzle*, Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', Clingendael Diplomacy Paper no. 25 // http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20100100_cdsp_paper_dhooghe_china.pdf

³⁷Ellis E. (2011), *Chinese Soft Power in Latin America, A Case Study*, National Defence University Press, Joint Force Quarterly, vol. 60

Thussu D. (2014), *Asian Soft Power in Africa: China plus India*, paper presented at the international conference China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy // <http://www.cmi.no/file/2920-.pdf>

Power M., Mohan G., and Tan-Mullins M. (2012), *China's Resource Diplomacy in Africa: Powering Development?*, Palgrave Macmillan

³⁸Arrey S. (2013), *Assessing China's Soft Power Diplomacy in Africa in the Context of Postmodern Thinking*, International Letters of Social and Humanistic Sciences, vol. 10, no. 32-45 // <http://www.ilshs.pl/wp-content/uploads/2012/11/ILSHS-10-2013-32-45.pdf>

³⁹Gaye A. (2006), *China-Africa: the Dragon and the Ostrich*, Paris, l'Harmattan, 2006

участвовавших в рейтинге Pew 2015 Global Indicator, продемонстрировали положительное отношение к Китаю более чем на 50%. Симпатия скорее вызвана экономическим шармом Китая и политической дружбой, нежели культурой или идеологической привлекательностью. Международная группа исследователей, включая ученых из Гейдельбергского университета, изучила помощь, выделяемую КНР с целью развития Африканского континента.⁴⁰ Ученые выяснили, что помощь идет в регионы, в которых родились и выросли африканские политики, независимо от реальных потребностей регионов. Эффективность оказываемой помощи ограничена в силу использования ее в личных интересах местными властями.

Ученые приводят общие черты между взаимоотношениями Китая с Африкой и Латинской Америкой.⁴¹ Во-первых, оба континента представлены преимущественно странами третьего мира. Во-вторых, Африке и Латинской Америке достается наибольшая доля китайской «мягкой силы». Наконец, Китай беспорядочно распределяет помощь странам, тем самым позволяя коррумпированным режимам этих регионов формировать выгодные взаимоотношения с ним. К примеру, Замбия одна из немногих стран в Африке, с которой Китай работает практически во всех отраслях. В 2006 году в стране работало более 20 китайских компаний. Присутствие Китая в стране началось в 1964 году с обретением Замбии своей независимости.⁴² Внутри страны существуют разные мнения по поводу сотрудничества с Поднебесной. Оппозиция подчеркивает необходимость регулировать деятельность Пекина в стране, а руководство страны делает акцент на положительных изменениях в стране благодаря вливаниям Китая. Однако есть мнения, что Китай недостаточно вкладывает в развитие африканских и латиноамериканских стран, так как на местах чаще привлекается китайская рабочая сила и техника.⁴³

⁴⁰Sarmadi D. (2014), Africa's Elite Exploit Chinese development aid, study reveals, <http://www.euractiv.com/sections/development-policy/africas-elite-exploit-chinese-development-aid-study-reveals-310770>

⁴¹Curran, Jamie, «China to the Rescue? Implications of Chinese Aid and Trade in Latin America Based on Evidence from Sino-African Cases» (2016). CMC Senior Theses. Paper 1299.

http://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/1299

⁴²Curran, Jamie, «China to the Rescue? Implications of Chinese Aid and Trade in Latin America Based on Evidence from Sino-African Cases» (2016). CMC Senior Theses. Paper 1299.

http://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/1299

⁴³Garzon P. ed. (2016), We will not treat you like Africa, January 13, <https://www.opendemocracy.net/democraciaabierta/paulina-garzon-jin-jiaman-margaret-myers-lvaro-m-ndez/china-and-latin-america-we-w>

В России понятие «мягкой силы» обсуждают в основном в публичном поле, а не академическом. За 2015 год в РФ было проведено более 600 российско-китайских мероприятий среди населения.⁴⁴ Среди них летние школы и лагеря, встречи молодых ученых и предпринимателей, олимпиады на знание русского и китайского языков, форумы и конференции, концерты и недели кино, выставки искусств и спортивные соревнования, образовательные обмены студентов и школьников. Год прошел для России под знаком поворота на Восток, ставшего неизбежным после резкого ухудшения ее отношений с Западом. Опрошенные изданием «Ъ» эксперты, политики и бизнесмены сходятся во мнении: прорубить окно в Азию Москва не смогла, но свою форточку открыла. Добиться большего не позволили нехватка квалифицированных кадров, умения работать на восточных рынках и отсутствие новых крупных проектов, способных заинтересовать азиатский бизнес.⁴⁵

Часть проблемы заключается в том, что вне дипломатических кругов двусторонние отношения КНР и России достаточны слабы. Взаимоотношения на строительных площадках и в советах директоров еще предстоит развивать. В газете Financial Times директор Российского совета по международным делам Андей Кортунов пишет, что российско-китайское экономическое сотрудничество не влечет за собой широкого взаимодействия между людьми.⁴⁶ В отношениях с такими странами, как Италия или Германия, открывается множество малых и средних предприятий, которые функционируют здесь и трудоустраивают россиян. Хорошо развиты личные связи, которые увеличиваются с ростом культурного обмена, смешанных браков. С Китаем таких взаимоотношений очень мало. Важность личных связей подчеркнул и премьер-министр РФ Дмитрий Медведев в интервью⁴⁷: «...В современном мире личное общение между людьми становится все более весомым ресурсом в международных отношениях, помогает укреплять доверие и взаимопонимание».

Учитывая географическое расположение и историю двух государств, сложившаяся ситуация не удивляет. Несмотря на то, что

⁴⁴Интервью Д. Медведева китайской газете «Жэньминь жибао», 13 декабря 2015 года, <http://government.ru/news/21017/>

⁴⁵Кростиков М. (2015). Недоворот на Восток, 25 декабря <http://kommersant.ru/doc/2884691>

⁴⁶Hille K. (2016), Russia and China: friends with benefits, February 5, <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/f8959924-cab6-11e5-a8ef-ea66e967dd44.html#slide0>

⁴⁷Интервью Д. Медведева китайской газете «Жэньминь жибао», 13 декабря 2015 года, <http://government.ru/news/21017/>

страны разделяет более чем 4200 км границы (6-я по протяженности в мире), ни РФ, ни КНР не рассматривают свои приграничные регионы как часть исторической или экономической зоны. Северо-восточные провинции Китая все же являются домом более чем для 100 млн. человек, но молодое поколение из Хэйлунцзяна (провинция с наиболее протяженной границей с РФ), покидает дом, чтобы найти работу в больших городах.

Политика «одного ребенка» позволила многим китайским семьям скопить средства на обучение детей на Западе. Эти личные связи способствует развитию культурной связи с Европой и США, а не с Россией. Китайские студенты, поступающие на учебу в Россию, это часто те, у кого не самые лучшие отметки, или те, кто не может себе позволить учиться на Западе. Президент Ассоциации предпринимателей Китая в РФ Cai Guigu на конференции в Санкт-Петербурге сказала следующее: «Мы знаем, что вам нравятся наши деньги, но вам не нравимся сами мы». Она сказала, что они работают над тем, чтобы это изменить. Российская аудитория в это время смущенно улыбалась, но не пыталась опровергнуть сказанное.

Понятие «мягкая сила» Китая довольно широкое по смыслу и включает в себя все, что касается деятельности этой страны. Некоторые авторы вовсе ставят под сомнение наличие «мягкой силы» Китая, называя ее «ресурсной дипломатией».⁴⁸ Необходимость в стабильных поставках ресурсов является основой взаимоотношений Китая с рядом государств Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Развивающиеся страны охотно принимают китайские инвестиции, так как в ответ от них не требуют соблюдения прав человека, поддержания методов управления по западной модели и экологических норм.⁴⁹ Всем развивающимся странам нужно обновлять или создавать инфраструктуру. Китай в данном случае один из немногих, кто может предложить такое сотрудничество в обмен на доступ к ресурсам страны.

Ученые всего мира изучают влияние «мягкой силы» Китая на различные регионы и страны. Однако недостаточно внимания

⁴⁸Power M., Mohan G., and Tan-Mullins M. (2012), *China's Resource Diplomacy in Africa: Powering Development?*, Palgrave Macmillan

⁴⁹Ким В. и Бохан Я. «Трансформация стратегии «мягкой силы» КНР в современных условиях» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012, no. 12 (266). Политические науки. Востоковедение. Вып. 12. С. 17–20 // <http://www.lib.csu.ru/vch/266/002.pdf>

уделяется смысловому наполнению понятия «мягкой силы» внутри страны. Китайские ученые продолжают формировать концепцию «мягкой силы» с особенностями Китая, отходя от концепции, предложенной Дж. Наем.⁵⁰ Пробел в литературе также заметен в операционализации концепции «мягкой силы». Литература снабжает читателя большими объемами данных о количестве, изучающих китайский язык и путешествующих в Китай, изменениях в использовании китайских лекарственных средств и увеличении количества празднований китайских фестивалей.⁵¹ Труды не рассматривают объединение этих индикаторов в одну переменную, которую можно было бы измерить. В то же время излишняя зависимость от количественных индексов также может затруднить выявление тенденций в этой области. J. Blanchard и Fujia Lu считают, что определение «мягкой силы» не должно фокусироваться лишь с точки зрения инструментов.⁵² Вместо этого большее внимание следует обратить на задачи и контекст политики.

⁵⁰Glaser B. and Murphy M. (2009), *Soft Power with Chinese Characteristics: Ongoing Debate* // http://csis.org/files/media/isis/pubs/090310_chinesesoftpower__chap2.pdf

⁵¹Hartig F. (2012), *Confucius Institutes and the Rise of China*, *Journal of Chinese Political Science*, vol. 17, no.1, pp. 53–76

⁵²Blanchard J. and Lu F. (2012) *Thinking Hard About Soft Power: A Review and Critique of the Literature on China and Soft Power, Asian Perspective: October-December 2012*, vol. 36, no. 4, pp. 565–589

Роль «мягкой силы» во внешней политике КНР: официальный дискурс Пекина

В последние годы руководство Китая начало активно использовать «мягкую силу» при проведении внешней политики. Впервые китайские власти серьезно начали рассматривать роль нетрадиционных инструментов воздействия на мировое сообщество с приходом к власти Ху Цзиньтао. С этого момента в работе по формированию позитивного образа Китая за рубежом появились новые акценты. Внешнеполитический курс Пекина был ориентирован на поддержку мирных деклараций, осуждение однополярного мира и политики с позиции силы. Данных о том, сколько тратит Китай на построение имиджа за рубежом, нет, но аналитики оценивают бюджет «внешней пропаганды» примерно в 10 млрд. долларов ежегодно. К примеру, Государственный департамент США в 2014 году потратил 666 млн. долларов на публичную дипломатию.⁵³

Внимание к «мягкой силе» в современном понимании этого термина усилилось после публикации в журнале «Гоцзи взънъти яньцзю» (№ 1 за 2004 год) статьи заместителя премьера Госсовета КНР Цянь Цичэня. В ней утверждалось, что после событий 11 сентября США стали проводить антитеррористическую политику по всему миру, но попали в трудную ситуацию в Ираке. Эта стратегия, разработанная на основе превентивного использования «жесткой силы», уже доказала свою неэффективность. Она недооценила роль «мягкой силы» и международных институтов, что лишило Америку некоторых важных инструментов, необходимых для реализации стратегии национальной безопасности.⁵⁴

⁵³Shambaugh (2015), China's Soft Power Push: The Search for Respect, July/August, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push>

⁵⁴См.: Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая// Pro et Contra — 2007. ноябрь-декабрь. С. 46.

И надо признать, что у китайского руководства были основания сделать акцент на «мягкой силе». Демонстрируя в течение 30 лет высокие темпы экономического роста и повышение уровня благосостояния народа, Китай делал привлекательной для развивающихся стран не только свою экономическую, но и политическую модель развития.⁵⁵ Неслучайно уже в начале 2000-х годов стала популярной мысль о том, что «Пекинский консенсус»⁵⁶ доминирует над «Вашингтонским консенсусом».⁵⁷

В мае 2004 года Лондонским центром международной политики был опубликован доклад под названием «Пекинский консенсус», где речь шла уже не только об эффективности «китайской модели». По мнению авторов, «Вашингтонский консенсус» «исходит из желания сделать счастливыми банкиров», а «Пекинский консенсус» — добиться справедливого роста в интересах простых людей. Его цель — рост при сохранении независимости; отличительные черты — «решительное стремление к инновациям и экспериментам» (специальные экономические зоны), «защита государственных границ и интересов», «накопление инструментов асимметричной силы» (в том числе в виде валютных резервов).⁵⁸

В ноябре 2006 года на встрече с деятелями литературы и искусства свое отношение к «мягкой силе» обозначил тогдашний генеральный секретарь КПК и председатель КНР Ху Цзиньтао. В число инструментов, с помощью которых можно укреплять «мягкую силу» страны, он включил культуру, отметив необходимость

⁵⁵В самом общем виде она включает в себя: а) «скоординированное, комплексное и научно обоснованное развитие», не требующее больших общественных и экологических затрат; б) «стабильность», понимаемая в широком смысле как устойчивость власти, институтов и общества в целом; в) «гармония», означающая стремление свести к минимуму ущерб в отношениях между людьми, обществом и окружающей средой, а также между государствами. Все это, как правило, противопоставляется западному акценту на демократии, свободе и равенстве.

⁵⁶«Пекинский консенсус» — термин, изобретенный бывшим редактором журнала Time Джошуа Купером Рамо. Выражение символизирует исключительную привлекательность китайского опыта. В отличие от либеральных предписаний относительно возвышения государств на основе демократизации и активного участия международного финансового сообщества, «Пекинский консенсус» делает упор на политическую стабильность и свободный выбор странами самостоятельного пути развития, основанного на экспериментировании и особенностях конкретных условий.

⁵⁷Принципы «Вашингтонского консенсуса» были сформулированы в 1990 году. Это приватизация, жесткая монетарная политика, отказ от бюджетного дефицита, либерализация торговли, открытость для иностранных инвестиций.

⁵⁸См.: Ганшин В. Прочность китайской «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока, 2009. № 6. С. 40.

«поиска направления, в котором должна развиваться культура Китая, придания нового блеска национальной культуре, повышения международной конкурентоспособности культуры Китая».⁵⁹

В январе 2007 года в ходе коллективной учебы в политбюро ЦК КПК, посвященной вопросам государственного управления Интернетом, Ху Цзиньтао вновь упомянул о «мягкой силе». Он заявил, что должным образом сформированная и контролируемая культура Интернета «полезна для наращивания мягкой силы Китая».⁶⁰

В докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде ЦК КПК тема «мягкой силы» была выведена в отдельную главу. В частности, говорилось, что «в наши дни культура становится все более важным элементом соперничества в совокупной государственной мощи, а развитие культуры внутри страны должно сопровождаться повышением ее международного влияния». Впоследствии руководство КНР разработало целый ряд внешнеполитических программ, призванных привлечь на свою сторону мировое общественное мнение, пропагандируя тезис о мирном пути развития Китая.

Ху Цзиньтао сформулировал четыре основных направления строительства «мягкой силы»: 1) создание системы основных ценностей социализма и повышение притягательности и цементирующей силы социалистической идеологии; 2) создание гармоничной культуры, культивирование цивилизованных нравов и обычаев; 3) поднятие на щит китайской культуры, создание общего духовного очага китайской нации; 4) стимулирование культурных инноваций, наращивание живительной силы культурного развития.⁶¹

15–18 октября 2011 года в Пекине прошел VI пленум ЦК КПК 17-го созыва, впервые в истории КПК и КНР рассмотревший вопросы культуры на столь высоком уровне.⁶² Главным его итогом стало «Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам углу-

⁵⁹См.: Жэньминь жибао, 11 ноября 2006 г.

⁶⁰См.: Борох О. Ломанов А. Скрамное обаяние Китая// Pro et Contra – 2007. ноябрь-декабрь. С. 49.

⁶¹См.: Ху Цзиньтао. Гаоцзюй чжунго тэсэ шэхуйчжуй вэйда цичжи вэй доуцюй цюаньмянь цзянцэ сяокан шэхуй синь шэнли эр фэньдоу (Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества). Доклад на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 15 октября 2007 года// Жэньминь жибао, 25 октября 2007 г.

⁶²См.: Лю Юйчжу. Цзянцэ шэхуйчжуй вэньхуа цянью ды цзун ганлин (Генеральная программа построения мощного государства социалистической культуры)// Чжунго гунчан дан синьвэнь ван, 18 октября 2011 г. – <http://www.theory.people.com.cn/>.

бления реформы культурной системы, стимулирования великого развития и расцвета социалистической культуры»,⁶³ не только развившее обозначенные на XVII съезде КПК положения по вопросу строительства «мягкой силы», но и расставившее точки над «і» в плане как совершенствования культурной системы, так и ужесточения контроля над СМИ, особенно за телевидением и Интернетом.

Как подчеркивалось в решении пленума, «могущественное культурное государство» нуждается в ценностных ориентирах, которые должны были способствовать не только внутренней консолидации Китая, но и оказывать позитивное влияние на иностранцев.

В решении пленума было указано на необходимость «осуществлять стратегию выхода культуры вовне, непрерывно повышать международное влияние китайской культуры, демонстрировать миру новый образ реформ и открытости Китая и высокий духовный облик китайского народа». Поставлена цель «наращивать понимание и познание мировым сообществом базовой национальной специфики, ценностных воззрений, пути развития, внутренней и внешней политики Китая», усиливать влияние китайской культуры (чжунхуа взньхуа) за пределами Китая; «создать первоклассные СМИ мирового уровня» и с опорой на инновационные методы внешней пропаганды «усиливать голос Китая» на международной арене, что позволит воздействовать на мировое общественное мнение.

Выступавший на пленуме с разъяснением «Решения...» член Политбюро ЦК КПК Ли Чанчунь подчеркнул: «Культура должна превратиться в важнейший источник творческой силы и силы концентрации нации; в важнейший фактор конкурентной борьбы за совокупную мощь государства; важнейшую опору социально-экономического развития; духовно и культурно богатая жизнь должна стать горячим желанием китайского народа.

На современном историческом этапе углубление реформы в области культуры и стимулирование великого развития и великого процветания социалистической культуры взаимосвязано с целью борьбы за всестороннее строительство общества сяокан; с неу-

⁶³См.: Чжунгун чжунъян гуаньюй шэнхуа взньхуа тичжи гайгэ туйдун шэхуйчжуи взньхуа да фачжань да фаньжун жогань чжунда взньти ды цзюэдин (Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам углубления реформы культурной системы, стимулирования великого развития и расцвета социалистической культуры). Принято VI пленумом ЦК КПК 17-го созыва 18 октября 2011 года)// Жэньминь жибао, 26 октября 2011 г.

клонным поддержанием и развитием специфического китайского социализма; с реализацией идеи о возрождении величия китайской нации (чжунхуа миньцзу вэйда фусин)».⁶⁴

В контексте стимулирования процесса «выхода китайской культуры в мир» (чжунхуа вэньхуа цзоусян шицзие) было предложено несколько мер.

Во-первых, расширение форм и методов культурного обмена и диалога цивилизаций с зарубежными странами, поощрение взаимного культурного заимствования, усиление авторитета и влияния китайской культуры в мире, совместное обеспечение культурного многообразия.

Во-вторых, распространение образцов китайской цивилизации, демократии, открытости и прогресса.

В-третьих, реализация процесса выхода культуры за рубеж, совершенствование политических мер по поддержке выхода за пределы китайской культурной продукции и культурного обслуживания, поддержка создания опорных точек за рубежом, подготовка конкурентоспособных ориентированных на внешнее влияние предприятий культуры и посреднических структур, поддержка переводческих, посреднических и консультационных механизмов, освоение мирового культурного рынка.

В-четвертых, усиление зарубежных центров китайской культуры и институтов Конфуция, организация культурного обмена на государственном и иных уровнях.

При этом, как подчеркивалось китайскими экспертами,⁶⁵ реформа в области культуры содержит в себе внешний и внутрен-

⁶⁴См.: Ли Чанчунь. Гуаньюй «Чжунгун чжунъян гуаньюй шэнхуа вэньхуа тичжи гайгэ туйдун шэхуйчжуи вэньхуа да фачжань да фаньжун жогань чжунда вэньти ды цзюэдин» ды шомин (Разъяснение «Решения ЦК КПК по некоторым важным вопросам углубления реформы культурной системы, стимулирования великого развития и расцвета социалистической культуры»)// Жэньминь жибао, 27 октября 2011 г.

⁶⁵См.: Чжан Иу. Лю чжун цюаньхуй тушилэ чжунго вэйлай фачжань ды синь шицзяо (Шестой пленум ЦК КПК высветил новый взгляд на будущее развитие Китая)// Чжунго гунчан дан синьвэнь ван, 21 октября 2011 г. <http://www.theory.people.com.cn/>; Чжун сюань бу лилунь цзю юань фу цзю чжан Чжан Гоцзо тань вэньхуа цяньго чжаньлюэ (Бывший заместитель начальника департамента теории отдела пропаганды ЦК КПК Чжан Гоцзо обсуждает стратегию усиления государства за счет культуры)// Чжунго гунчан дан синьвэнь ван, 20 октября 2011 г. <http://www.theory.people.com.cn/>; Чэнь Шаофэн. Цзяншэ вэньху цяньго ши дуй го нэй вай и гэ сюань бяо (Строительство мощного государства с помощью культуры — пропагандистский слоган, направленный внутрь страны и за ее пределы)// Чжунго гунчан дан синьвэнь ван, 20 октября 2011 г. <http://www.theory.people.com.cn/>.

ний аспекты, «способствующие усилению государства». Внешний аспект обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, в современном мире углубления экономической глобализации и политической мультиполяризации «мягкая сила» приобретает все более и более значимое место в международных отношениях и уже стала одинаково важной, даже, возможно, еще более важной силой по сравнению с «жесткой силой».

Как одна из мировых держав, Китай должен брать на себя международную ответственность в деле защиты мира. А для этого Китай должен, наряду с увеличением «жесткой силы», уделять еще больше внимания укреплению «мягкой силы».

Во-вторых, усиление строительства «мягкой силы» Китая представляет собой важный момент увеличения его международной конкурентоспособности. Межгосударственная конкуренция — это конкуренция не только в отношении ресурсов, но и в отношении мудрости при их использовании. «Мягкой силой» оказывается мудрость, выраженная в ходе применения «жесткой силы».

В-третьих, сегодня Китай стал главным соперником капиталистических стран Запада. И «чтобы избежать ошибок Советского Союза», ему наряду с увеличением «жесткой силы» необходимо максимально увеличивать и «мягкую силу».

Не менее значим был и внутренний аспект. По оценке экспертов, ситуация в Китае и в мире требует не только перехода на новую модель экономического развития. Обнажились и серьезные внутренние социальные и политические проблемы.

Во-первых, развитие Интернета и превращение социальных сетей в фактор мобилизации населения требует усиления контроля над благо-сферой и ограничения негативного влияния на сознание населения Китая (особенно молодежи) информации, распространяемой на некоторых сайтах и в социальных сетях.

Во-вторых, руководство КПК и КНР обеспокоено тем, что молодежь находится под сильным влиянием западных фильмов (особенно американских), стандартов поведения и развлечений. Забыты не только революционные традиции, но и традиционные конфуцианские ценности.

В-третьих, бурное развитие рыночных отношений ведет к усилению социального неравенства, отчуждению людей от партии, кризису доверия. Усилились разногласия и внутри партии. Вот почему ставится задача укрепить веру в социалистические идеалы, добиваться сплочения общества вокруг партии.

Следуя классическому толкованию этого понятия в работах Дж. Ная, к «мягкой силе» в китайских источниках обычно относятся:

- стратегия развития государства;
- идентификационная мощь его идеологии и ценностных ориентаций;
- притягательная сила его социального строя и модели развития;
- способность государства реализовывать стратегию развития;
- национальная идея и творческая сила нации;
- обаяние культуры и сила ее влияния в международных делах.⁶⁶

Правда, в отличие от стратегических разработок США, в которых американская модель имеет универсальный характер и постулируется безусловное лидерство США в мире, Китай подчеркивает тезис о многообразии путей развития.⁶⁷

Конечно, «сердцевинные ценностные воззрения», о которых говорит китайская пропаганда, могут быть отнесены к элементам «мягкой силы» (особенно, если говорить об ареале распространения конфуцианской культуры), но, скорее всего, это — продукт для внутреннего потребления. Во всяком случае, Китай не пытается навязывать их другим странам. Хотя, для полноты картины, говоря об инструментарии «мягкой силы» Китая, не упомянуть о них нельзя.

Первые варианты «сердцевинных ценностных воззрений» появились еще в начале 2012 года. Тогда к ним относились: «человек как основа», «человеколюбие», «совместное процветание», «бо-

⁶⁶См.: Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая// Полис. — 2009. № 4. С. 149.

⁶⁷При этом, апеллируя главным образом к своим соседям по региону, Китай активно использует традиционные конфуцианские понятия. Например, заметное место в политическом дискурсе обрел взятый из древности тезис о «гармонии без единообразия». Слова Конфуция «Благородный муж стремится к гармонии, но не к единообразию; мелкий человек стремится к единообразию, но не к гармонии» («Лунь юй», гл. «Цзы лу») получили новый смысл. Пекин заявил о себе как о наследнике идеала, в соответствии с которым возвышенный и просвещенный конфуцианский «благородный муж» стремится к гармоничным отношениям с окружающими и не добивается единообразия ни за счет навязывания другим своих ценностей, ни за счет принятия ценностей чужих. Вторая часть цитаты превратилась в характеристику политики Запада, который подобно «мелким людишкам» пренебрегает гармонией и хочет сделать мир единообразным в соответствии со своими канонами. — См.: Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу»// Россия в глобальной политике. — 2012, № 4, июль-август. С. 59.

гатство и сила», «гармония», «демократия и правление по закону», «соблюдение закона», «искренность и доверие», «равенство и справедливость», «открытость и толерантность», «цивилизованность».⁶⁸

В отчетном докладе ЦК КПК на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 года) был представлен набор из 12 ценностных воззрений, которые делились на три уровня, а каждая группа состояла из четырех ценностей. Уровень государства: богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония. Уровень общества: свобода, равенство, справедливость, правовое правление. Уровень индивида: патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность.⁶⁹

12 февраля 2014 года «Жэньминь жибао» еще раз разъяснила народу, что понимается новым руководством КПК под «сердцевинными ценностями социализма». Провозглашенный «курс 24 иероглифов» предполагает следование следующим базовым ценностям: богатство и сила (фу цян), демократия (миньчжу), цивилизация (вэньмин), гармония (хэсие); свобода (цзыю), равенство (пиндэн), справедливость (гунчжэн), правление на основе закона (фачжи); патриотизм (айго), преданность делу (цзинъе), добросовестность и честность (чэнсинь) и дружелюбие (юшань).

Эти 24 иероглифа были крупно набраны красным цветом на первой полосе газеты. Ниже было написано: «Когда у людей есть вера, нация сильна». Согласно «Жэньминь жибао», эти социалистические ценности должны быть «внедрены в каждого китайца», а китайский народ должен отстаивать их ради улучшения общества.⁷⁰

Как позднее пояснил Си Цзиньпин, эти ценности — квинт-эссенция, отражающая воззрения древних мудрецов, идеалы добродетельных личностей, мечты героев революции, а также представления о прекрасной жизни, присущие народам различных национальностей. Как им было подчеркнуто на встрече с

⁶⁸См.: Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу»// Россия в глобальной политике. — 2012, № 4, июль-август. С. 59.

⁶⁹См.: Ху Цзиньтао. Цзяндинбуи яньчжэ чжунго тэсэ шэхуйчжуй даолу цянцзинь взй цюаньмянь цяншэ сяокан шэхуй эр доучжэн. Цзай Чжунго гунчан дан ди шиба сы цюаньго дайбяо дахуй шан ды баогао (Неуклонно следовать вперед путем строительства китайского специфического социализма, бороться за всестороннее создание общества сяокан. Доклад на Всекитайском XVIII съезде КПК)// Синьхуа ван, 17 ноября 2012 г. <http://politics.people.com.cn/>.

⁷⁰См.: Шэхуйчжуй кэсинь цзячжи гуань цзибэнь нэйжун (Основное содержание социалистических сердцевинных ценностных воззрений)// Жэньминь жибао, 12 февраля 2014 г.

преподавателями Пекинского университета, «только при условии, что вы китаец (чжунгожэнь — человек Китая), можно осознанно воспитывать в себе сердцевинные ценности социализма и следовать им».⁷¹

Что реально входит в инструментарий «мягкой силы» Китая, так это некоторые теоретические разработки в области международных отношений и безопасности. Именно им Китай пытается придать всеобщий характер. В середине 2000-х годов это касалось тезисов Ху Цзиньтао о «мирном развитии» и «гармоничном мире», в настоящее время — концепции «китайской мечты», новой концепции региональной безопасности и концепции «Один пояс — Один путь», хотя в практической работе не отрицаются и тезисы Ху Цзиньтао. Сюда же можно отнести и новые политические инициативы КНР, такие как «улыбчивая дипломатия» (вэйсяо вайцзяо), «публичная дипломатия» (гунгун вайцзяо) и «добрососедская дипломатия» (мулин вайцзяо), которые играют важную роль в стремлении Пекина не только влиться в региональные интеграционные процессы, но и стать неформальным региональным лидером.

Каждая из названных выше концепций — отдельный сюжет, требующий специального и очень детального разговора. Мы не будем на этом останавливаться, ограничившись краткой характеристикой базовой концепции о «мирном развитии» Китая. Этот тезис включает шесть аспектов: научное развитие (кэсюэ фачжань); суверенное развитие (цзычжу фачжань); открытое развитие (кайфан фачжань); мирное развитие (хэпин фачжань); развитие в кооперации (хэцзо фачжань) и со-развитие (гунтун фачжань).

Все эти шесть аспектов — достаточно емкие понятия, характеризующие основы современной внутренней и внешней политики Китая. В контексте внешней политики для реализации концепции «мирного развития» Китай, как декларируется в официальных документах, будет придерживаться следующего курса:

- способствовать построению гармоничного мира;
- придерживаться суверенной и мирной дипломатии и политики;
- выступать инициатором новой концепции безопасности, основанной на взаимодоверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве;

⁷¹См.: Си Цзиньпин. Циннянь яо цзыцзюэ цзяньсин шэхуйчжуи кэсинь цзячжи гуань (Молодежь должна сознательно претворять в жизнь социалистические сердцевинные ценностные воззрения)// Жэньминь жибао, 5 мая 2014 г.

- придерживаться активной позиции международной ответственности;
- следовать курсу регионального добрососедства, дружбы и сотрудничества.⁷²

И нельзя не признать того факта, что Китай следует этому курсу. Во всяком случае, он демонстрирует способность проводить взвешенную и независимую внешнюю политику и отстаивать свои национальные интересы, не вступая ни с кем в открытый конфликт.

При этом современный Китай, в отличие от середины – конца 1990-х годов и даже начала 2000-х, позиционирует себя как «великую державу», которой присущи глобальная ответственность, а также цивилизационная и социально-политическая идентичности, и которой «обязательно нужна дипломатия великой державы с собственной спецификой (цзыцзи тэсэ дэ даго вайцзя).⁷³ Эта держава, по мнению Си Цзиньпина, должна обладать четырьмя характеристиками.

- Это цивилизованная великая держава, обладающая богатой историей, множественностью и единением различных этносов, многообразием и гармонией культур.
- Это восточная великая держава, где проводится ясная политика, развивается экономика и процветает культура, общество стабильно, народ сплочен, земля прекрасна.
- Это ответственная великая держава, которая придерживается политики мира и развития, способствует совместному развитию всех стран, вносит свой вклад в дела человечества.
- Это социалистическая великая держава, открытая внешнему миру, обладающая привлекательностью, полная надежд и жизненных сил.⁷⁴

Новая модель отношений Китая с внешним миром должна опираться на ценности, которые смогут признать и поддержать не

⁷²См.: Чжунгодэ хэпин фачжань. Гоюань синьвэнь баньгунши (Мирное развитие Китая. Пресс-канцелярия Госсовета КНР), 2011, сентябрь. <http://www.gov.cn/>.

⁷³См.: Си Цзиньпин чуси чжунъян вайши гунцзо хуйи бин фабяо чжунъяо цзянхуа (Си Цзиньпин принял участие в центральном совещании по внешнеполитической работе и выступил с важной речью)// Синьхуа ван, 21 ноября 2014 г. <http://www.news.xinhuanet.com/>.

⁷⁴См.: Титаренко М., Ломанов А. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы// Проблемы Дальнего Востока. – 2015. № 3. С. 18.

только соседи, но и ведущие страны. Первый набор этих ценностей был представлен Си Цзиньпином во время его визита в Африку в марте 2013 года, когда он подчеркнул, что сотрудничество Китая с Африкой будет опираться на идеи «истинности» (чжэнь), «практичности» (ши), а также «близости» (цин) и «искренности» (чэн).⁷⁵ В ноябре 2013 года на совещании по дипломатической работе с сопредельными странами был озвучен новый набор ценностей. Выступая на этом совещании, Си Цзиньпин отметил, что суть дипломатии с сопредельными странами выражена в четырех понятиях — «близость» (цин), «искренность» (чэн), «благосклонность» (хуй), «инклюзивность» (жун). Ее базовой установкой является отношение к соседним странам как к друзьям и партнерам, что призвано дать им ощущение безопасности и помочь их развитию, а потому Китай будет «придерживаться курса на доброе, безопасное и богатое соседство» (цзяньчи мулин, аньлин, фулин).⁷⁶ В ноябре 2014 года на саммите АТЭС Си Цзиньпин предложил концепцию «общности судьбы» и идею со-развития — совместно планировать перспективы развития; совместно реагировать на глобальные вызовы; совместно создавать платформы для сотрудничества; совместно планировать синхронное развитие.⁷⁷

Все эти принципы в совокупности с новой моделью региональной безопасности — основа внешней политики Китая. И надо признать, что если не все, то большинство из них принято международным сообществом, а это означает, что, как когда-то Британия или США, в настоящее время Китай способен дать современной эпохе новую модель взаимоотношений мирного, открытого, основанного на взаимной выгоде, безопасного и всеобъемлющего развития.

Особое место в концепции «мягкой силы» в последние годы занимает внешнеэкономическая деятельность КНР. Китай охотно кредитует экономики развивающихся стран. При этом, в отличие от стран Запада, он, как правило, не обуславливает выделение кредитов политическими и идеологическими требованиями.

⁷⁵См.: Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, — 2014. С. 409–420.

⁷⁶См.: Си Цзиньпин. Жан минюнь гунтунти ичжи цзай чжоубянь гоцзя лоди шэнгэнь (Дать возможность укорениться у сопредельных государств пониманию общности судьбы)// Официальный сайт МИД КНР, 25 октября 2013 г. <http://www.fmprc.gov.cn/>.

⁷⁷См.: Си Цзиньпин. Гунцзянь мяньсянь вэйлай ды ятай хобань гуаньси (Совместно создавать будущие азиатско-тихоокеанские партнерские отношения)// Жэньминь жибао, 12 ноября 2014 г.

Следует признать, что за последние десятилетия Китай добился значительных результатов в развитии связей с сопредельными странами. Во-первых, с большинством из них установлены стратегические отношения партнерства и сотрудничества. Во-вторых, участились контакты на различных уровнях. В-третьих, стремительно развиваются торгово-экономические связи, торговый оборот с сопредельными странами вырос со 100 млрд. до 1,3 трлн. долларов в 2013 году. В-четвертых, углубляется региональная кооперация.

Все эти направления продолжают укрепляться, чему способствует начало практической реализации концепции «Один пояс – Один путь». Перспективы сотрудничества, по оценкам Китая, огромны. До 2020 года Китай планирует импортировать товаров приблизительно на 10 трлн. долл., его инвестиции за рубеж достигнут 500 млрд. долл., число выезжающих за границу туристов достигнет 500 млн. человек.⁷⁸

Существенный акцент новой внешнеэкономической политики КНР – готовность Китая поделиться своими успехами с другими странами мира, в особенности – с соседями Китая по региону. Один из основополагающих постулатов внешней политики КНР – сотрудничество должно осуществляться на основе позитивного взаимодействия, взаимной выгоды и совместного выигрыша.

Чтобы дезавуировать представление, будто Китай ведет себя как «неоимпериалист», в Пекине были выработаны такие средства, как улучшение мониторинга деятельности китайских фирм и защита эффективно работающего производства.

Более того, по оценке российских китаеведов, достигнутый уровень развития позволяет Китаю отказаться от прежнего стремления к максимизации прибыли в экономическом взаимодействии с внешним миром, переходя к сопряжению экономических интересов с политическими и дипломатическими целями. Провозглашенная китайским руководством идея установления сбалансированного «взгляда на долг и выгоду» (и ли гуань) выглядит новаторской, однако ее корни восходят к раннему конфуцианству, благодаря которому в китайской культуре сформировалось основополагающее противопоставление морально справедливого «долга» низшему стремлению к «выгоде». На этой культурной основе политика

⁷⁸См.: Си Цзиньпин. Майсян минюнь гунтунти кайчуан Ячжоу синь вэйлай (Двигаясь к сообществу единой судьбы, формировать новой будущее Азии. Выступление Си Цзиньпина на ежегодном Боаском азиатском форуме 28 марта 2015 года)// Жэньминь жибао, 29 марта 2015 г.

заботы об интересах других стран и поддержка их развития превращается в подобие поведения конфуцианского «благородного мужа», готового жертвовать выгодой во имя гуманности и справедливости. Наличие прочного ценностного фундамента способно превратить китайскую политику международного экономического сотрудничества в атрибут поведения влиятельной великой державы, формирующей и реализующей на практике идею «общности судьбы» с сопредельными странами.⁷⁹

Еще одно направление, на котором в последнее десятилетие Китай добился несомненных успехов, это пропаганда за рубежом привлекательности китайской культуры и китайского языка. На конец 2010 года в 104 странах и районах мира было основано 357 институтов Конфуция и 476 классов Конфуция, а 100 млн. человек изучали китайский язык как иностранный.⁸⁰ В конце 2015 года китайские СМИ сообщали о 500 институтов Конфуция и 1000 классов Конфуция в 130 странах мира, общее количество их слушателей достигло 1,9 млн. человек.⁸¹

Миссия институтов Конфуция — способствовать росту понимания Китая и китайской культуры во всем мире, развивать дружеские отношения КНР с другими странами. А обучение в них ориентировано на специфику сотрудничества с Китаем. При этом перед институтами стоят как минимум две задачи: первая образовательная, для осуществления которой за основу взяты уже отработанные механизмы обучения языку и структура организации испанского института Сервантеса, Британского совета и германского института Гете. Вторая, менее афишируемая задача — содействовать распространению китайской культуры и тем самым усилить влияние китайской «мягкой силы».⁸²

Активизируется процесс обучения иностранных студентов и в самом Китае. В 2008 году число приехавших учиться в Китай иностранцев впервые превысило 200 тыс., в первую тройку вошли студенты из Южной Кореи, США и Японии.⁸³ В 2014 году в стране

⁷⁹См.: Титаренко М., Ломанов А. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы. С. 26.

⁸⁰См.: 100 млн иностранцев изучают китайский язык// Жэньминь жибао он-лайн. — 28 ноября 2011 г.

⁸¹См.: 500 институтов Конфуция созданы в разных странах и регионах мира// Агентство Синьхуа, 6 декабря 2015 г.

⁸²Мишина С.И. «Говори мягко...»// Азия и Африка сегодня. — 2011. № 3. С. 23.

⁸³См.: Жэньминь жибао, 26 марта 2009 г.

получали образование 377 054 студента.⁸⁴ В 2011 году 62 442 студента из Южной Кореи обучались в Китае, составляя самую большую группу среди международных студентов, затем студенты из Америки — 23 292, японцы — 19 610, россияне — 13 340, индонезийцы — 10 957 и 9 370 студентов из Индии. Тем временем общее количество европейских студентов составило 50 тысяч, из которых студенты из Франции — 7592 и Германии — 5451.

Многие студенты начали рассматривать азиатское направление привлекательным в качестве места получения образования. Если одних привлекает культура и история, других — экономический аспект обучения в Китае. Плата за семестр обучения в стране в среднем составляет тысячу долларов (по данным Министерства образования КНР⁸⁵). В то время как расходы на аренду жилья, еду и другие необходимые вещи значительно меньше, чем в США или Европе. В США, например, согласно данным Национального центра образования, обучение может обойтись примерно от 12 до 37 тысяч долларов, не считая расходов на проживание.

Образование в Китае выходит на новый международный уровень. Университет Цинхуа и Университет Вашингтона инициировали программу сотрудничества, открытие кампуса Университета Сучжоу в Лаосе, строится филиал Сэменьского университета в Малайзии, также Чжэцзянский университет профинансировал совместную лабораторию с Имперским колледжем в Лондоне.

Однако с ростом объемов финансирования КНР академический мир стал высказывать опасения. В условиях сжимающихся ресурсов, западные университеты с радостью принимают поддержку китайской стороны. В 2014 году британская газета «Телеграф» также подчеркнула свою озабоченность по поводу получения пожертвования в 3,7 млн фунтов от благотворительного фонда, которым управляет Вэн Жучун, дочь экс-премьер-министра КНР Вэн Жибао. Университет при этом опроверг наличие какой-либо связи денег с китайским правительством.

Власти КНР предпринимают активные шаги для того, чтобы повысить уровень и качество подготовки обучающихся в Китае иностранных студентов. Министерство образования КНР приняло ряд мер, нацеленных на то, чтобы китайские университеты принимали

⁸⁴McCafferty G. (2013), China in Soft Power Push with Foreign Students, May 29, <http://edition.cnn.com/2013/05/29/world/asia/china-soft-power-foreign-students/>

⁸⁵ICEF Monitor (2016), Education and the exercise of soft power in China, 13 January, <http://monitor.icef.com/2016/01/education-and-the-exercise-of-soft-power-in-china/>

иностранных студентов «более высокого уровня». В решении этой задачи содействуют и действующие за рубежом институты Конфуция, организующие специальные тесты на знание китайского языка, в том числе с предоставлением грантов на дальнейшую учебу в Китае.

Очень образно значимость этих структур охарактеризовал профессор Института международных отношений при Народном университете КНР Цзинь Цаньжун, по мнению которого китайцы «должны старательно прилагать усилия к тому, чтобы сдобрить европейский «бифштекс» китайскими «пряностями», дать зарубежным читателям, обеспокоенным подъемом Китая. . . почувствовать «восточный колорит»... тогда погасится недопонимание, мнения мировой общественности получают полную свободу... все представит в новом свете».⁸⁶

Другое стимулирование для иностранных студентов – государственные стипендии, которые готово им выделить китайское правительство. Так, по сообщению главы Отдела международного сотрудничества и обменов Министерства образования КНР Чжан Сюцин, в 2010 году государственными стипендиями КНР планировалось охватить 20 тыс. иностранцев, на эти цели власти предполагали выделить более 500 млн юаней (около 73,5 млн долл.).⁸⁷

Тем не менее, несмотря на столь впечатляющие успехи в распространении китайского языка, в большинстве случаев это свидетельствует лишь о том, что иностранцы признают факт подъема экономики Китая, а знание китайского служит важным подспорьем в развитии собственного бизнеса или удачном трудоустройстве. Ареал влияния китайской культуры ограничен преимущественно АТР и ЮВА, да и то лишь в плане традиционных конфуцианских, буддистских и даоских ценностей. Идеология специфического китайского социализма, хотя и не порицается, но особо и не приветствуется.

Большой привлекательностью пользуется китайская экономическая модель. Однако нарастание социальных проблем в последнее время, являющихся в том числе и следствием культивирования данной модели, ведет к снижению ее популярности и негативно воздействует на международный имидж Китая.

⁸⁶Цит. по: Мокрецкий А. Основные направления китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. № 1. С. 54.

⁸⁷См.: Жэньминь жибао, 31 марта 2009 г.

С 2008 года китайские туристы стали объектом повышенного внимания. Финансовый кризис сократил количество путешествующих по всему миру, но не сильно затронул китайских туристов. Туристы из Китая помогли многим держаться на плаву. Примечательно, в Южной Корее доля туристов из Китая в общем объеме международных туристов составила 30% в те годы.⁸⁸ В то время как многие страны начали ориентироваться на китайских туристов, китайская сторона стала рассматривать туризм как форму политики «мягкой силы», которая имеет экономические и политические последствия.

Наряду с туристами особого внимания заслуживает т. н. «медицинская дипломатия».⁸⁹ Китай активно участвует в глобальных миротворческих программах; китайские врачи и медсестры помогают в ликвидации последствий катастроф по всему миру. Если ранее в финансировании этих программ участвовали только государственные структуры, то теперь и частные компании выделяют средства на такие миссии. Кроме того, страна принимает большой поток медицинского туризма.

Более того, китайские эксперты осознают, что нынешний статус Китая как «всемирной фабрики», изготавливающей продукцию для транснациональных корпораций, не способствует наращиванию «мягкой силы». «Китай «импортирует» иностранные знания, технологии и культурную продукцию, а его собственные знания, технологии и культурные продукты не только с трудом «экспортируются», но даже, возможно, увядают, оказавшись под контролем и влиянием иностранной «мягкой силы». Поэтому важным стратегическим направлением развития «мягкой силы» Китая является упорядочение экономической структуры, основанной на внешней торговле и иностранном капитале, усиленная поддержка прогресса суверенной экономики и технологических инноваций, развитие открытой системы знаний, обладающей китайской спецификой».⁹⁰

Еще хуже дело обстоит с популярностью китайских социалистических сердцевинных ценностей. Причем не только в мире, но и в самом Китае. Мировоззрение граждан КНР (особенно молодежи) в последние три десятилетия серьезно изменилось. На смену

⁸⁸Jordan F. (2014), Why Tourism is China's Strongest Diplomacy Tool, April 29, <http://blog.kawo.com/post/84285601508>

⁸⁹Volodzko D. (2016), China's medical diplomacy, April, available: <http://thediplomat.com/2016/04/chinas-medical-diplomacy/>

⁹⁰См.: Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая. С. 51.

коллективистским ценностям и конфуцианской культурной традиции пришли индивидуальные ценности и активно внедряемые в последние годы (особенно на телевидении) элементы западной массовой культуры. Фактически разрушена традиционная система кланов, а вместе с ней и традиционный институт семьи и почитания старших. Все большее число молодых людей предпочитают не связывать себя узами официального брака, и все чаще старики не могут рассчитывать на помощь молодых.

Доминирование индивидуализма и активная пропаганда в 1980–1990-е годы прошлого века известного лозунга Дэн Сяопина о том, что одни люди или коллективы могут богатеть раньше, чем другие, положило начало размыванию идеалов социализма. Сейчас в них мало кто верит, о чем свидетельствуют не только опросы общественного мнения и последние решения ЦК КПК. Это понятно и вполне объяснимо. И именно поэтому КПК наряду с пропагандой социалистических сердцевинных ценностей активно использует в пропагандистских целях конфуцианскую традицию и все чаще апеллирует к историческим аналогиям.

Ценности времен революционной борьбы и «большого скачка» сегодня вряд ли удастся привить молодому поколению. Выросшие в условиях, когда Китай находился на подъеме, к тому же воспитанные в однодетных семьях «шестое» и последующие поколения вряд ли поймут эти ценности. Что касается конфуцианства, внутри Китая оно может сослужить и служит хорошую службу. В этом контексте совершенно неслучайным выглядит возвращение к конфуцианской риторике даже в ЦК КПК.

За пределами Китая и регионов ЮВА и АТР конфуцианские ценности, несмотря на имеющую место моду на них, не востребованы. Хотя две ключевые ценности сегодняшнего конфуцианства — политическая меритократия и социальная гармония — выглядят довольно привлекательно, они, в отличие от концепции либеральной демократии, не имеют универсальной и широкой аудитории.

Сегодня в реализации мягкой силы Китая ставятся несколько широкие задачи — во-первых, противодействовать негативному влиянию на общественное мнение и поведение народа (особенно молодежи) западной идеологии и западных ценностей; во-вторых, культивируя традиционные конфуцианские ценности, способствовать решению задачи объединения страны и возрождения величия Китая и величия китайской нации; в-третьих, повысить влияние китайской (культивируемой государством) культуры, идеологии и

ценностей в мире и тем самым повысить уровень «мягкой силы» в совокупной мощи государства.

Задача, нужно сказать, достаточно амбициозная. Однако другого пути у руководства КПК и КНР, по-видимому, нет. Оно не может не понимать, что в недалеком будущем КНР столкнется с проблемой прихода к власти поколения так называемых «маленьких императоров», которые воспитаны на иной, нежели их родители, системе ценностей. А это — серьезная угроза не только для положения КПК, как руководящей силе, но и для перспектив развития КНР в парадигме китайского специфического социализма.

Как реализуется китайская политика «мягкой силы» в Казахстане?

Учитывая специфику казахстанской политической и экономической системы, наше исследование будет сфокусировано на изучении подхода истеблишмента и деловых кругов Казахстана к вопросу о взаимодействии с Китаем. Наряду с этим, учитывая последние события в Казахстане, в частности массовые акции протеста против внесения поправок в Земельный кодекс РК, мы попытаемся выяснить отношение рядовых граждан страны к Китаю и насколько они готовы принять КНР в качестве «органичного» актора. Через призму применяемых Китаем тактик и приемов в сфере образования, культурно-гуманитарного сотрудничества, развития и продвижения традиционной китайской медицины, печатных и онлайн-изданий о Китае, мы постараемся дать оценку китайской «мягкой силе» в Казахстане.

Перед тем как ответить на вышеуказанные вопросы, нам хотелось бы обратить внимание на два ключевых события, существенно повлиявших на характер взаимоотношения Китая и Казахстана на уровне политической элиты и общества.

Китай между двух огней. Ряд резонансных событий, произошедших за последние несколько лет, которые имеют прямое отношение к китайской деятельности в Казахстане, свидетельствуют о сложившемся двойственном впечатлении казахстанского общества в отношении южного соседа.

Так, например, положительные эмоции и ожидания, в особенности у политических и деловых кругов Казахстана, вызвал государственный визит президента РК Нурсултана Назарбаева в Пекин, состоявшийся 1 сентября 2015 г. В ходе встреч лидеров и делегаций двух стран сторонами было подписано около 25 соглашений на общую сумму 23 миллиарда долларов США. Кроме того, стороны подписали Совместную декларацию о новом этапе отношений все-

стороннего стратегического партнерства. Были достигнуты договоренности о создании специального инвестиционного фонда для проектов индустриально-инновационного сотрудничества, а также совместном участии в Kazakhstan Infrastructure Fund.

В этой связи, согласно оценке Н. Назарбаева, осенняя поездка в КНР стала «поворотным пунктом»⁹¹ в казахстанско-китайских отношениях. Данный визит запустил «новый этап» для двух стран, в частности благодаря интенсификации сотрудничества в несырьевых отраслях экономики. В условиях замедления казахстанской экономики, в частности из-за снижения мировых цен на энергоресурсы, правительство Казахстана активизировало политику привлечения иностранных инвесторов, а также стала акцентировать внимание на диверсификации экономики и повышении потенциала обрабатывающей промышленности.

Следовательно, приверженность китайского руководства и государственных компаний к дальнейшему инвестированию в казахстанскую экономику прибавляет определенного оптимизма и укрепляет имидж истеблишмента РК в качестве компетентного актора, динамично реализующего экономические реформы на фоне планомерного ухудшения социально-экономического положения населения страны.

Принятая правительством РК государственная программа инфраструктурного развития «Нурлы жол», в рамках которой реализуется строительство таких проектов, как автомагистраль «Западная Европа — Западный Китай», СЭЗ «Хоргос — Восточные ворота», интегрирует долгосрочные расчеты Пекина в антикризисную стратегию развития Казахстана, что создает дальнейшие предпосылки для укрепления сотрудничества в виду определенного сращивания интересов двух стран.

В этой связи, запущенная Пекином инициатива «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), озвученная впервые руководителем КПК КНР Си Цзиньпином в «Назарбаев университете» осенью 2013 года, выступает в качестве своевременного решения, пусть и частичного, экономических проблем, с которыми столкнулся Казахстан после нескольких волн финансового кризиса.

Соответственно, руководство Казахстана продолжает возлагать большие надежды на китайские инвестиции в несырьевые секто-

⁹¹Интерфакс — Казахстан. Казахстан и Китай подписали соглашения по проектам на общую сумму \$23 млрд — Назарбаев, 01.09.2015. Доступно: https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=10&news_id=11134

ры экономики, делая ставку на диверсификацию, снижение социального напряжения, благодаря сохранению и созданию новых рабочих мест, и на превращение в международный логистический хаб. Согласно подсчетам Kaznex Invest, казахстанско-китайские предприятия позволят создать в стране 15 тысяч рабочих мест.⁹²

Так, во время визита Президента РК в Китай в начале сентября 2016 г. в качестве гостя для участия на саммите «Группы двадцати», Нурсултан Назарбаев отметил, что оба государства в рамках прежних договоренностей построят на территории Казахстана 51 совместное предприятие. Он также выразил уверенность в том, что предпринимаемые Казахстаном усилия по индустриализации и привлечению зарубежных инвестиций необходимы для сохранения низкого уровня безработицы, создания новых рабочих мест и перехода от борьбы с кризисом к экономическому росту.⁹³ Следует отметить, что только за 2015 год Китай инициировал 12 инвестиционных проектов в Казахстане, сумма которых в общей сложности составила 1,2 млрд долл. США.⁹⁴

Как отметил вице-министр инвестиций и развития РК Е. Хаиров, строительство более 50 промышленных предприятий в стране будет проводиться в рамках «Казахстанско-китайской индустриально-инновационной программы сотрудничества». Будущие предприятия преимущественно будут построены в Алматинской, Ақмолинской, Павлодарской, Западно-Казахстанской, Туркестанской областях. Работа по детальному обсуждению данных проектов производится совместно с Государственным комитетом по реформам и развитию Китая.⁹⁵ Учитывая, что целый ряд китайско-казахстанских проектов будут реализованы в таких отраслях, как химия, нефтехимия, металлургия, машиностроение, производство строительных материалов, продуктов питания, данные предприятия бу-

⁹²NewTimes, О найме китайцев на совместные с Казахстаном предприятия рассказали в Kaznex Invest, 21.09.2016. Доступно: <http://newtimes.kz/ekonomika/item/38514-o-najme-kitajtsev-na-sovmestnye-s-kazakhstanom-predpriyatiya-rasskazali-v-kaznex-invest>

⁹³Капитал. Казахстан и Китай создадут 51 совместное предприятие, 05.09.2016. Доступно: <https://kapital.kz/economic/53329/kazahstan-i-kitaj-sozdadut-51-sovmestnoe-predpriyatie.html>

⁹⁴Jacopo Dettoni, Chinese investors shore up Kazakhstan FDI despite commodity bust, Financial Times, 07.06.2015. Доступно: <http://www.ft.com/cms/s/3/0ade39c6-2bef-11e6-a18d-a96ab29e3c95.html#axzz4K35JsAlI>

⁹⁵NewTimes. Казахстан создаст 50 совместных с Китаем предприятий, 21.09.2016. Доступно: <http://newtimes.kz/ekonomika/item/38512-kazahstan-sozdast-50-sovmestnykh-s-kitaem-predpriyatij>

дут освобождены от корпоративного налога (до 10 лет), по имуществу (до 8 лет) и по земле (до 10 лет).⁹⁶

Вместе с тем спустя почти год после знаменательного визита президента Казахстана в Китай в крупных городах Казахстана прокатились массовые акции протеста против внесения поправок в Земельный кодекс Казахстана, благодаря которым иностранцам предоставлялось бы право брать в аренду казахстанские земли сроком на 25 лет. После того как экс-министр национальной экономики Ерболат Досаев объявил, что с начала июля 2016 г. 1,7 миллиона гектаров земли сельхоз назначения будут выставлены на торги через аукцион, активные казахстанские пользователи социальных сетей начали высказывать недовольство в связи с вносимыми в кодекс изменениями. 11 апреля представители интеллигенции обратились с Открытым письмом к Президенту Казахстана, в котором в очередной раз озвучили опасения казахстанского общества, утверждая, что в различных областях собралось более 50 тысяч граждан РК, подписавших обращение.

После серии одиночных пикетов в Астане и Алматы 24 апреля т. г. в Атырау состоялся первый массовый митинг, который, по разным оценкам, собрал от одной до двух тысяч человек.⁹⁷ Спустя три дня после демонстраций в западной части страны крупные митинги прошли в Актобе и Семее. 5 мая Н. Назарбаев объявил о моратории на некоторые нормы Земельного кодекса и принял решение об отставке министра национальной экономики Е. Досаева, министра сельского хозяйства Асылжана Мамытбекова и нескольких подчиненных. Более того, по поручению Н. Назарбаева была создана Комиссия по земельной реформе⁹⁸, в состав которой вошли первый заместитель премьер-министра РК, первый заместитель председателя партии «Нур Отан», министры, руководители правоохранительных органов и объединений, общественные деятели, правозащитники, депутаты, эксперты и т. д.

⁹⁶NewTimes. Инвесторы Казахстана и Китая получают освобождение от налога на землю, 21.09.2016. Доступно: <http://newtimes.kz/ekonomika/item/38528-investory-kazakhstan-a-i-kitaya-poluchat-osvobozhdenie-ot-naloga-na-zemlyu>

⁹⁷А. Абдурасулов. Страх перед Китаем вывел людей в Казахстане на улицы. ВВС Русская служба, 29.04.2016. Доступно: http://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160429_kazakhstan_land_rent_protests

⁹⁸Капитал. Утвержден состав Комиссии по земельной реформе, 12.05.2016. Доступно: <https://kapital.kz/gosudarstvo/50217/utverzhdn-sostav-komissii-po-zemelnoj-reforme.html>

Проект магистрали «Западная Европа – Западный Китай»

Эти массовые акции показательны тем, что граждане Казахстана, выразившие недовольство по поводу внесения изменений в Земельный кодекс, не скрывали своих опасений по поводу возможной китайской экспансии. Митингующие утверждали, что в случае принятия новых поправок в Земельный кодекс, граждане Китая будут первыми иностранцами, которые воспользуются столь выгодным положением и по истечении 25 лет не предоставят обратно арендованные сельскохозяйственные угодья, а если даже возвратят, то они будут истощены и не пригодны для дальнейшего пользования.

Участники Земельной комиссии тоже не обошли стороной вопрос сотрудничества в сельскохозяйственной и других сферах с Китаем. Ряд участников Комиссии высказались против продажи и аренды земли иностранцам и учреждения совместных предприятий с участием иностранного капитала. Представители казахстанского аграрного бизнеса, в свою очередь, выступили за аренду. Согласно их мнению, это позволило бы привлечь зарубежных инвесторов и современные технологии.⁹⁹

⁹⁹Земельная дискуссия: хронология, содержание, итоги. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, <http://kisi.kz/ru/categories/articles/posts/zemel-naya-diskussiya-hronologiya-soderzhanie-itogi>

Описанные выше два случая, пусть и представляют противоположные взгляды и позиции в отношении активно развернутой китайской экономической деятельности в Казахстане, никоим образом не являются взаимоисключающими явлениями. Оба дискурса, пусть и находятся в соперничестве друг с другом, тесно переплетены между собой. Фобии и стереотипы в отношении Китая не только не исчезли, но усугубились со временем. Вместе с тем с Китаем связаны многие положительные ожидания правительства и деловых кругов. Для них инициатива «Один пояс — Один путь» и китайские инвестиции представляют значение с точки зрения стимулирования казахстанской экономики, а также сохранения и приумножения собственного капитала, что говорит о наличии прагматичного подхода к взаимодействию с Китаем. В этой связи, как отмечает политолог Себастьян Пейруз, синофобия и синофилия идут рука об руку в странах Центральной Азии.¹⁰⁰

«Синопочитание» казахстанской элиты. Так, несмотря на целый ряд существующих проблем внутри КНР, достижения китайской экономики в какой-то степени являются поводом для подражания высшими слоями казахстанского населения. В частности, в нашумевшем высказывании вице-премьер-министра Казахстана Дариги Назарбаевой о целесообразности изучения китайского языка, учитывая, что Китай является «нашей судьбой», отражает намерение политического истеблишмента и деловых кругов пожинать плоды от соседства со второй экономикой мира.

Например, в 2009 году в интервью престижному изданию *Financial Times* экс-премьер-министр Казахстана Карим Масимов отметил, что Казахстан ведет прагматичную политику, и, следовательно, стране необходимо «оседлать волну» китайского экономического роста. Им было отмечено, что Китай не представляет угрозы независимости Казахстана и что до тех пор, пока будет сохранен баланс между Россией и Китаем, не следует беспокоиться об этом.¹⁰¹ Тем более, учитывая, что Казахстан «не будет выдавать Китаю свои земли»¹⁰², потому что этого не позволяло действовав-

¹⁰⁰Sebastien Peyrouse. Discussing China: Sinophilia and Sinophobia in Central Asia, *Journal of Eurasian Studies* 7 (2016) 14-23

¹⁰¹Isabel Gorst. Kazakh PM defends growing links with China, *Financial Times*, 29.12.2009. Доступно: <http://www.ft.com/cms/s/0/d8dee514-f3d9-11de-ac55-00144feab49a.html#axzz4K6ZAH5su>

¹⁰²Isabel Gorst. Kazakh PM defends growing links with China, *Financial Times*, 29.12.2009. Доступно: <http://www.ft.com/cms/s/0/d8dee514-f3d9-11de-ac55-00144feab49a.html#axzz4K6ZAH5su>

шее в 2009 г. законодательство. (Напомним, что зимой 2009—2010 гг. в Алматы прошли массовые акции протеста против предоставления китайским компаниям 1 миллиона гектаров казахстанской земли для выращивания соевых бобов и рапса).

Похожее мнение в 2011 г. высказывалось экс-министром экономического развития и торговли Казахстана Кайратом Келимбетовым. В интервью российской газете «Коммерсант», г-н Келимбетов отметил, что не разделяет опасения о том, что происходит «ползучая китайская экспансия».¹⁰³ Он напоминает, что Европейский Союз является главным торговым партнером Казахстана, после которого идет Россия, а потом уже Китай. Наряду с этим китайские компании осуществляют всего 20% добычи нефти в Казахстане, что говорит о том, что китайское присутствие не настолько масштабно в одной из стратегически важных отраслей РК. В целом, экс-министр экономического развития и торговли признает, что есть определенные риски от сотрудничества с Китаем, если «что-то неправильно делать». Но существует и возможность получить доступ к «ведущему драйверу мировой экономики».¹⁰⁴

Более того, как отмечает С. Боненбергер-Рич, из-за снижения степени доступа к внешним, в первую очередь западным, средствам Китай стал для казахстанского правительства «кредитором последней инстанции».¹⁰⁵ Пекин и китайские государственные компании с выгодой для себя используют тесную взаимосвязанность казахстанского крупного бизнеса и политической элиты. Вместе с тем Китай не ассоциируется как актер, поддерживающий ту или иную политическую группу в Казахстане.

С другой стороны, политика Пекина и деятельность китайских компаний в Казахстане рассматриваются в связке друг с другом. Это создает впечатление, что в случае применения агрессивных действий против китайских бизнес-структур, Пекин в качестве ответа на нападки прекратит предоставлять кредиты и инвестиции казахстанской стороне. Китайские кредиты и инвестиции в инфраструктурные и индустриальные проекты позволили казахстанскому руководству смягчить последствия экономического кризиса

¹⁰³А. Габуев и А. Константинов. Пока идет задержка в отношениях, место занимают другие: Кайрат Келимбетов — о приватизации по-казахстански, китайской экспансии и отношениях с Россией. Коммерсант, 04.08.2011. Доступно: <http://kommersant.ru/doc/1690893>

¹⁰⁴Там же.

¹⁰⁵Simone Bohnenberger-Rich, *China and Kazakhstan: Economic Hierarchy, Dependency and Political Power?*, PhD Dissertation, London School of Economics, March 2015

Акция протеста у здания консульства КНР в Алматы, прошедшая 11 декабря 2009 г.

2007–2008 годов и получить востребованные внешние вливания для поддержания деятельности государственных компаний, таких как «КазахМыс», «КазМунайГаз», ENRC.¹⁰⁶

Наряду с этим Китай с первых дней обретения нашей независимости был и остается одним из ключевых партнеров Казахстана, что позволяет руководству страны практиковать мультивекторную внешнюю политику, базирующуюся на принципах равноудаленности от крупных игроков и прагматизме. Вместе с тем, с учетом снижения внимания США к региону в связи с окончанием активной фазы военных действий в Афганистане и сокращения торгово-экономической деятельности России¹⁰⁷, китайское присутствие становится все более заметным и ощутимым.

В этой связи быстрые темпы роста освоения Китаем Центральной Азии вызывают тревогу у населения государств региона¹⁰⁸, что влечет за собой рост антикитайских настроений, которые дали о

¹⁰⁶Simone Bohnenberger-Rich, *China and Kazakhstan: Economic Hierarchy, Dependency and Political Power?*, PhD Dissertation, London School of Economics, March 2015

¹⁰⁷Eugene Rumer, Richard Sokolsky, and Paul Stronski, *U.S. POLICY TOWARD CENTRAL ASIA 3.0*, январь 2016. Доступно: http://carnegieendowment.org/files/CP_259_Central_Asia_Final.pdf

¹⁰⁸К. Сыроежкин. *Нужно ли бояться Казахстану Китая: мифы и фобии двусторонних отношений*. Астана – Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, 2014.

себе знать во время массовых акций и демонстраций против внесения поправок в Земельный кодекс.

Синофобия по-казахски. Антикитайские настроения в казахстанском обществе показывают, что активизация отношений между официальным Пекином и Астаной, политическими и финансово-промышленными кругами двух стран автоматически не ведет к тому, что рядовые граждане РК будут воспринимать Китай в качестве «органичного актора» в стране. Стремительный рост китайской экономической деятельности, в частности в рамках реализации серии проектов инициативы «Один пояс-Один путь», не гарантирует того, что население забудет о передаваемых из поколения в поколение стереотипах и страхах по поводу Китая.

Известно также, что выгоду от экономического сотрудничества с Китаем больше всего получает казахстанский крупный бизнес, тогда как малый и средний бизнес не вовлечен в эти процессы напрямую. Рядовые граждане, рассматривая вопрос китайского присутствия, смотрят на проблему с точки зрения влияния Китая на их повседневную жизнь. Учитывая, что стабильно растут цены и сужается трудовой рынок, рядовые казахстанцы начинают опасаться, что их рабочие места заберут мигранты. Иногда конфликты возникают не только между рядовыми рабочими, но и когда менеджеры высшего звена высказывали свои претензии руководству китайской компании в Казахстане.

Так, в 2013 году ряд казахстанских СМИ обратили внимание на трудовой конфликт, возникший в Алматы. Заместитель директора компании «Синопек-Казахстан» Р. Кожухмет обвинил своего работодателя в дискриминации. Согласно его заявлению, китайские сотрудники компании получают заработные платы, которые в несколько раз превышают оклады казахстанских работников. Кроме того, гражданам КНР оплачивают страховки и выплачиваются ежегодные бонусы и премии.¹⁰⁹ Кстати говоря, «Синопек-Казахстан» был также замешан в другом скандале, связанном с коррупцией. В 2015 г. был осужден за получение взятки в размере 777 тысяч тенге начальник отдела управления координации занятости и социальных программ Атырауской области М. Ажарбеков. Эти деньги были получены от представителя «МНСК Синопек-Казахстан»

¹⁰⁹Астана ТВ. Зарплаты китайских сотрудников компании «Синопек-Казахстан» в 5 раз превышают оклады казахстанских специалистов, 16.01.2016. Доступно: <http://www.astanatv.kz/news/show/id/18782.html>

для продления разрешения на привлечение иностранной рабочей силы.¹¹⁰ Такого рода инциденты усиливают негативное восприятие Китая и китайских компаний, работающих в Казахстане.

В целом, стоит отметить, что трудовые конфликты в Казахстане чаще всего происходят из-за возникновения требований о повышении заработной платы и несвоевременной выплаты ежемесячных окладов. Как утверждает вице-министр здравоохранения и социального развития РК Б. Нурымбетов, трудовые конфликты преимущественно зафиксированы в нефтедобывающей, горнодобывающей и строительной отраслях. Учитывая, что китайские компании сосредоточены в большей степени в нефтегазовом секторе, именно они чаще всего становятся объектами нападков со стороны казахстанских рабочих.¹¹¹

Так, казахстанским экспертом по миграции Е. Садовской было отмечено, что в Атырауской и Актюбинской областях в 2006, 2010 и 2013 гг., а также в Восточно-Казахстанской области в 2015 г. произошли ряд трудовых конфликтов. Согласно ее мнению, миграция в Казахстан и другие страны Центральной Азии в средне- и долгосрочной перспективе будет иметь тенденцию к увеличению, в частности из-за реализации инфраструктурных и промышленных проектов. Например, уже были зафиксированы несколько случаев трудовых конфликтов между казахстанскими и иностранными рабочими, участвовавшими в строительстве международной магистрали «Западная Европа – Западный Китай».¹¹²

Стоит также отметить, что преимущественно казахскоязычное население продолжает видеть в Китае угрозу, что заметно по публикациям в ведущих казахскоязычных СМИ, формирующих общественное мнение. Если газеты и журналы, финансируемые государством, рассматривают Китай преимущественно с положительной стороны, то частные печатные издания имеют тенденцию описывать Китай и китайцев в негативном свете.

¹¹⁰Информбюро. Чиновника из Атырау осудили за «помощь» китайским гастарбайтерам, 03.09.2015. Доступно: <https://informburo.kz/novosti/chinovnika-iz-atyrauosudili-za-pomoshch-kitayskim-gastarbayteram-11478.html>

¹¹¹КазИнформ. В Минздравсоцразвития РК назвали основные причины трудовых конфликтов на казахстанских предприятиях, 09.06.2016. Доступно: <http://inform.kz/rus/article/2784809>

¹¹²Tengrinews. Строители трассы «Западная Европа – Западный Китай» устроили забастовку, 13.05.2014. Доступно: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/stroiteli-trassyi-zapadnaya-evropa-zapadnyiy-kitay-ustroili-255190/

Так, согласно результатам исследования А. Бурханова и Ю. Чен, газеты, издающиеся на казахском языке и принадлежащие частным лицам, больше всех насторожены китайской активностью в Казахстане. Учитывая высокий уровень популярности таких газет, как «Жас Алаш», казахскоязычное население попадает под информационное воздействие прессы, что приводит к усилению фобий и стереотипов в отношении Китая.¹¹³

Какими путями Китай «мягко» воздействует на казахстанское общество? В этой связи уместно спросить, что же китайские власти предпринимают для того, чтобы снизить уровень синофобии и расположить к себе широкие слои населения Казахстана, учитывая, что на уровне политической элиты уже происходит тесное взаимодействие? Каковы инструменты публичной и культурной дипломатии Пекина в отношении простого населения, молодежи, журналистов и экспертного сообщества? Насколько эффективна используемая Китаем «мягкая сила» и каков будет эффект дальше, учитывая современные ключевые общественно-политические тенденции в Казахстане?

Как и в других регионах мира, Китай уделяет особое внимание использованию таких инструментов, как образовательные гранты и стипендии, институты Конфуция, культурно-гуманитарные мероприятия и сотрудничество, китайская традиционная медицина, инфотуры для журналистов и представителей СМИ. Наряду с этим государственные структуры КНР в последнее время интенсифицируют взаимодействие с казахстанскими экспертами.

Образование. Китай придает большое значение образованию, рассматривая его в качестве обязательных инвестиций, которые в долгосрочной перспективе должны привести к улучшению международного имиджа Китая, и соответственно снижению антикитайских настроений в мире. С приходом к власти пятого поколения управленцев Пекин стал еще больше уделять внимания своему международному имиджу и позиционированию в мире, повышая качество образования и уровня оснащенности собственных учебных заведений. Такие известные китайские университеты, как Циньхуа, Пекин и Фудань, входят в топ-50 международных вузов.¹¹⁴

¹¹³Aziz Burkhanov & Yu-Wen Chen, *Kazakh Perspective on China, the Chinese, and Chinese migration*, *Ethnic and Racial Studies*, 39:12, 2129-2148

¹¹⁴QS World University Rankings 2015-2016, <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015>

Китай заинтересован в культурном и психологическом воздействии на молодые слои населения зарубежных стран, рассматривая их в качестве будущих элит, которые могут по прошествии 10–20 лет занять высокие позиции в системе государственного управления и, следовательно, формировать экономическую и внешнюю политику своих стран.

С учетом того, что Казахстан активно поощряет обучение за рубежом своих граждан, Китай стремится укреплять за собой статус одной из основных стран, куда едут получать высшее образование казахстанские студенты. Согласно данным Института международного образования, количество казахстанцев, обучавшихся к 2014 г. в Китае, составило 11 764 чел. Более того, 188 студентов из Казахстана прошли обучение в Китае за счет президентской стипендии «Болашак». В настоящее время 24 обладателя стипендии «Болашак» обучаются в китайских вузах.

В 2013 году, выступая в «Назарбаев университете» (НУ), председатель КНР Си Цзиньпин объявил о предоставлении гражданам стран – участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 30 тыс. государственных грантов на обучение в вузах КНР. Он также пригласил более 10 тыс. студентов и преподавателей институтов Конфуция посетить Китай для повышения квалификаций.

В 2014 году около 200 студентов НУ в рамках программы, организованной Министерством образования КНР, совершили визит в ряд провинций Китая. Согласно проведенному пилотному опросу исследовательницы Ю. Чен среди студентов НУ, посетивших КНР, заметен рост положительного отношения к соседней стране. Если до визита в Китай около 68% студентов думали, что КНР является самой влиятельной страной в Азии, то после ее посещения 75% опрошенных пришли к аналогичному мнению. До визита 67% считало, что Китай в течение следующих десяти лет станет самой влиятельной страной в Азии, то после визита такую точку зрения стали разделять 83% молодых казахстанцев, обучающихся в Назарбаев университете.¹¹⁵

На вопрос, считают ли они влияние Китая на Казахстан положительным или негативным, 52% опрошенных студентов в преддверии визита в Китай ответили, что считают китайское влияние позитивным и более 34% – «в какой-то мере положительным»

¹¹⁵Yu-Wen Chen, A Research Note on Central Asian Perspectives on the Rise of China: The Example of Kazakhstan, Issues & Studies 51. No. 3 (September 2015): 63-87

(somewhat positive). Опросы после пребывания в КНР показали, что количество студентов НУ, считающих воздействие Китая положительным, снизилось до 31%, тогда как 58% пришли к выводу, что влияние все-таки «в какой-то мере положительное».

Вместе с тем опыт Сингапура рассматривается студентами НУ как наиболее предпочтительная модель развития для Казахстана, нежели Китай. Более того, многие респонденты ответили, что Казахстан должен придерживаться собственного пути и не подражать другим.

Стоит отметить, что визит в Китай не проходит для казахстанцев, получивших качественное образование, бесследно. Возможность увидеть своими глазами достижения китайского градостроительства, инфраструктурного и экономического развития положительно влияет на восприятие Китая. Ряд опрошенных студентов и экспертов, часто посещающих Китай, отметили, что его власти стремятся продемонстрировать, как сильно изменилась страна в последнее десятилетие. Кроме того, Китай стремится удивить зарубежных гостей своей развлекательной и туристической индустрией.

Так, согласно результатам исследования С. Кошановой и Б. Ракишевой, казахстанских студентов Китай привлекает условиями обучения и проживания. 201 опрошенный студент из 407 респондентов считает, что университеты Китая обладают удобными корпусами и кампусами, библиотеками, спортивным комплексом, столовыми и кафе. Другим, не менее важным фактором является наличие большого количества земляков, что позволяет новым студентам быстрее адаптироваться к китайской специфике. Так, 312 респондентов отметили, что получили сведения о возможности получения образования Китая через своих друзей и сверстников. Вместе с тем граждане РК чаще всего поступают в менее престижные вузы Китая, что не позволяет им получить качественные знания и профессиональные навыки.¹¹⁶ Хотя знание языка и наличие знакомств, а также партнерских отношений в бизнес- и академической среде Китая позволяют выпускникам из Казахстана воспользоваться наработанными контактами для установления отношений между государственными и частными организациями Казахстана и Китая.

¹¹⁶Интервью с директором Silk Road Kazakh-Chinese Center of Cooperation Тилектесом Адамбековым, SZH.KZ, 14.09.2016 г. Доступно: <https://szh.kz/9599/tilektes-adambekov-keleshek-te-qazaqstandy-qytajda-oqyghan-studentter-basqarady/>

Так, несколько сотрудников одного из ведущих аналитических организаций Казахстана в интервью авторам данного исследования отметили, что их центр в последние годы начал очень часто проводить семинары и конференции по двусторонним отношениям Китая и Казахстана, что делает востребованным их знания китайской специфики, культуры общения и проведения переговоров. Благодаря установленным контактам во время прохождения обучения в Китае центр, в котором они работают, смог без особых усилий установить контакты с китайскими «мозговыми центрами» и экспертами по странам Центральной Азии. По всей видимости, китайским организациям импонировало, что в ведущем казахстанском аналитическом центре работают выпускники китайских вузов. Это облегчает взаимодействие между сторонами и, возможно, придает определенное чувство доверия к казахстанскому институту.

Вместе с тем существует проблема слабого знания китайского языка среди казахстанских студентов, что, вероятно, обусловлено склонностью к общению граждан РК с соотечественниками во время прохождения обучения в КНР. Так, около 44% опрошенных студентов из Казахстана ответили, что предпочитают в свободное время общаться с земляками.

С другой стороны, не всех студентов привлекает китайская культура, и не все способны полностью адаптироваться к жизни в КНР и менталитету китайцев. В большей степени такие студенты руководствуются прагматичными интересами — многие полагают, что благодаря знанию китайского языка они смогут получить хорошо оплачиваемую работу, вернувшись в Казахстан. Насколько оправданны ожидания казахстанских студентов — не до конца понятно ввиду отсутствия открытых данных о количестве трудоустроенных выпускников китайских вузов в китайских компаниях и фирмах, функционирующих в Казахстане. Вместе с тем особый интерес выпускники проявляют к китайским крупным компаниям, работающим в энергетическом секторе, включая такие организации, как CNPC, CNOOC, Sinopec, CITIC Group и т. д.

Многие из этих компаний обучают своих сотрудников китайскому языку, в том числе направляя на стажировку в Китай. Часть из них требует, чтобы выпускники китайских вузов, вернувшись в компанию после учебы, периодически подтверждали знание китайского языка. Так, издание «Актобе Таймс» в январе 2016 г. сообщило, что руководство компании «CNPC-Актобемунайгаз» изда-

Nazarbayev University Summer Camp
Beijing, June 2014

Студенты «Назарбаев университета»,
посетившие Летний лагерь в Китае в июне 2014 г.

ло приказ о проверке и стимулировании работников компании на знание языка, согласно которому выпускники, закончившие высшие учебные заведения КНР за счет средств компании, должны сразу после возвращения на родину пройти проверку на знание китайского языка и далее после года работы в компании.¹¹⁷ В документе отмечается, что компания вправе отказать выпускнику в трудоустройстве в случае плохой сдачи экзаменов. Наряду с этим от уровня знания китайского языка будет зависеть решение руководства о продвижении того или иного сотрудника по карьерной лестнице.

Публикация данного приказа в газете вызвало большую общественную критику в адрес компании. Впоследствии стало известно, что такой приказ все-таки был принят руководством компании. Согласно заявлению пресс-службы «СНПС-Актобемунайгаз», около 250 работников по договорам с компанией прошли обучение в КНР. Наряду с этим в компании работают сотрудники, получившие образование в китайских вузах за собственный счет или средства других организаций. Именно для таких сотрудников было разработано вышеприведенное корпоративное положение.¹¹⁸

Стоит также отметить, что «СНПС-Актобемунайгаз» ежегодно примерно для 450 управленцев среднего звена организует специальные курсы, направленные на расширение знаний и навыков в сфере управления и ведения хозяйственной деятельности. Более

¹¹⁷Актобе Таймс. СНПС-Актобемунайгаз выставило работникам «китайский» ультиматум, 21.01.2016. Доступно: <http://aktobetimes.kz/centralnaya-verhnyaya-novost/1742-snps-aktobemunaygaz-vystavilo-rabotnikam-kitayskiy-ultimatum.html>

¹¹⁸Regnum. Китайская компания пояснила языковые требования к казахстанским рабочим, 04.02.2016. Доступно: <https://regnum.ru/news/polit/2071790.html>

того, ежегодно для 1 200 сотрудников компании организуются различные тренинги по 114 различным специальностям.

Кроме этого, «СNPC-Актобемунайгаз» учредил образовательный фонд на сумму 1 млн долларов США, а в 2008 году вложил 776,9 тыс. долларов в различные проекты по поддержке образования в Казахстане. В Шымкенте расположены две тренировочные базы компании, где постоянно проводятся курсы повышения квалификации для сварщиков, трубопроводчиков и клепальщиков. Дочернее предприятие СNPC «Trans-Asia Gas Pipeline Company Limited» оплатила учебу примерно 30 – 45 молодым казахстанцам в Казахстано-Британском техническом университете.¹¹⁹

Более того, «СNPC-Актобемунайгаз» выделил 1,5 млрд тенге на строительство Дворца молодежи в Актобе. Отметим также, что Казахская национальная академия хореографии в Астане на 70% была профинансирована компанией СNPC.¹²⁰

Некоторая часть выпускников устраивается на работу в частные агентства или открывают их сами, занимаясь рекрутингом старшеклассников Казахстана для обучения в Китае. Одной из таких фирм является «Chinastudy. kz», которая отправила на обучение в Китай 1300 студентов из разных областей Казахстана. Данная частная организация позиционирует себя как агентство № номер 1 в Казахстане по количеству студентов, отправленных в Китай. Она установила партнерские отношения с 50 университетами КНР. Согласно данным агентства¹²¹, наибольшее количество казахстанцев выезжает в Китай из Алматы, что обусловлено не только относительно высоким уровнем жизни жителей прежней столицы РК, но и географической близостью Китая. Учитывая, что зарубежное образование считается показателем высокого социального статуса, многие казахстанские семьи поощряют детей поступать в вузы других стран.

Другим таким известным агентством является MyChina, позиционирующее себя как самый крупный на территории СНГ образовательный центр по отправке студентов на обучение в Китай. В одном из выступлений основатель MyChina Мирас Сагнаев отметил, что в 2015 г. агентство ставило цель отправить в Китай около

¹¹⁹СNPC. Обучение специалистов. Доступно: http://www.cnpc.com.cn/ru/rcpx/rlyz_common.shtml

¹²⁰А. Абилмажитова. Академию хореографии в Астане построили на деньги китайских спонсоров, Tengrinews, 31.08.2016. Доступно: https://tengrinews.kz/picture_art/akademiyu-horeografii-astane-postroili-dengi-kitayskih-301273/

¹²¹Вебсайт компании ChinaStudy <http://chinastudy.kz>

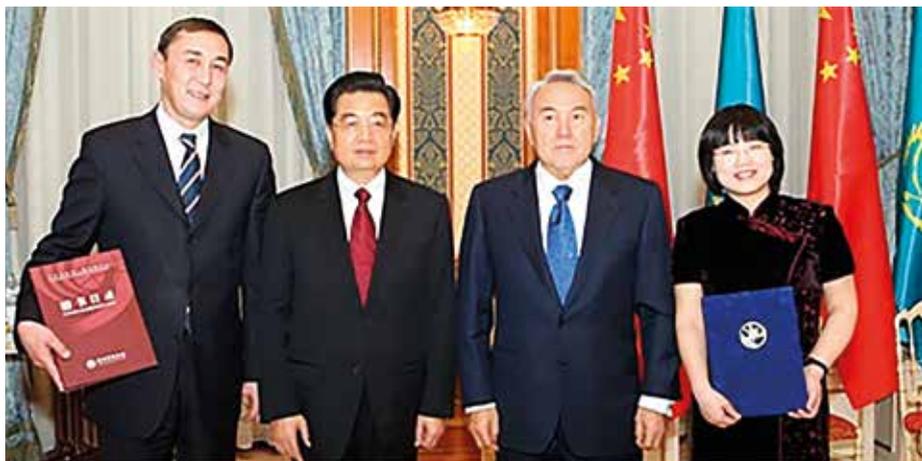
Новое здание офиса «CNPC-Актобемунайгаз» в Актобе

тысячи человек для получения образования.¹²² На сайте агентства указана стоимость обучения в Китае. Так, без гранта от правительства или одного из университетов Китая в год казахстанскому студенту учеба на бакалавриате в КНР обойдется в 4,5 тыс. долларов США, магистратуре – 5,5 тыс. долларов, включая проживание.

В этой связи стоит также отметить, что многие китайские вузы в целях повышения своего рейтинга готовы принимать зарубежных студентов, чья успеваемость в стране исхода не была столь высокой. Известно, что многие казахстанские выпускники школ, не сдавшие успешно Единое национальное тестирование (ЕНТ), поступали в китайские вузы, оплачивая обучение в КНР за счет собственных средств.

Институты Конфуция. В Казахстане функционируют четыре института Конфуция (ИК): в Астане, Алматы, Актобе и Караганды. Согласно информации, указанной на сайте ИК при Евразийском национальном университете в Астане, впервые идея об открытии ИК в Казахстане была озвучена Президентом РК Нурсултаном Назарбаевым во время встречи с бывшим Председателем КНР Ху Цзиньтао в июле 2005 года. В целях реализации предложения Пре-

¹²²Д. Тумашевич. За образованием – в Китай. Инфо-Цес, 07.07.2015. Доступно: <http://www.info-tses.kz/news/za-obrazovaniem-v-kitay/>

Ректор Евразийского национального университета А. Бакытжан и директор ИК Джанг Лина приняли участие в приветственном банкете Президента РК Н. Назарбаева в честь визита Председателя КНР Ху Цзиньтао

зидента РК Сианьский университет иностранных языков и Евразийский национальный университет подписали «Соглашение о реализации» сотрудничества в образовании ИК и назначили совет директоров института. На церемонии открытия ИК при Евразийском университете 5 декабря 2007 г. принял участие экс-министр образования и науки Республики Казахстан Жансеит Туймебаев.

ИК при Евразийском университете перевел цикл учебных книг с китайского на казахский язык. В 2012 году студенты вуза вошли в пятерку сильнейших участников международного конкурса «Мост китайского языка». Институт провел ряд имиджевых мероприятий, направленных на повышение узнаваемости Китая в Казахстане, в том числе о проводимой внешней политике КНР. В мае 2015 г. институт при поддержке Посольства КНР в Казахстане объявил о проведении международного конкурса на тему «Реалии и перспективы сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем глазами молодежи». Участникам предлагалось написать статьи на такие темы, как «Экономический пояс Шелкового пути – проект 21-го века», «Центральная Азия во внешнеполитической стратегии Китая», «Достижения дипломатии Китая», «Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в борьбе «с тремя силами зла» и т. д.¹²³

¹²³Институт Конфуция при Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева. Доступно: <http://ic.enu.kz/index.php/ru/component/content/category/78-%D0%BE%D0%B1%D1%8C%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F>

открыты классы китайского языка, а у учеников появится возможность в случае успешной сдачи экзаменов по китайскому языку получить гранты от вузов КНР и посетить Летний лагерь.¹²⁴

В институте прошли обучение более 600 слушателей, включая студентов и преподавателей локальных вузов, сотрудников нефтяных компаний, переводчиков. В ИК при АРГУ ведутся дополнительные занятия по каллиграфии, лечебной гимнастике тайцзицюань, китайским народным танцам и музыке, теннису.

ИК при Карагандинском политехническом университете был официально открыт в ноябре 2011 г. В качестве партнерских организаций выступили Канцелярия по распространению китайского языка и университет Шихэцзы. Занятия ведут преподаватели-филологи из Шихэцзыского университета КНР. 14 мая 2014 г. в КАРГТУ совместно с ИК и университетом Шихэцзы был проведен 2-й Международный форум на тему «Экономическая зона Шелкового пути: совместное развитие Китая и Центральной Азии». Студенты ИК КАРГТУ каждый год отмечают китайский Новый год, День института Конфуция, Праздник весны и т. д. В 2015 г. в стенах института прошло торжественное открытие лингафонной аудитории. Ежегодно ИК КАРГТУ проводит конкурс «Мост китайского языка» и организывает Летнюю школу в Китае.

Ожидается, что в ближайшее время в Казахском агротехническом университете им. С. Сейфуллина (КАТУ) откроется новый ИК, который станет вторым институтом такого рода в Астане. На базе агротехнического университета функционирует казахско-китайский центр науки и образования, который был основан в июне 2010 года. Более 500 студентов этого казахстанского вуза посетили курсы китайского языка. Аналогичное количество магистрантов, докторантов и преподавателей КАТУ, начиная с 2010 года, посетили Китай. Посольство КНР в Казахстане в мае 2016 года выделило 23 гранта студентам и преподавателям КАТУ для прохождения краткосрочной стажировки в Синьцзянском аграрном университете, Северо-Западном университете сельского хозяйства и Китайском аграрном университете. Посольство КНР также профинансировало оснащение кабинета китайского языка.¹²⁵

¹²⁴Диапазон. В школе Назарбаева будут обучать китайскому языку. 02.03.2016. Доступно: <http://www.diapazon.kz/aktobe/aktobe-society/80734-v-shkole-nazarbaeva-budut-obuchat-kitayskomu-yazyku.html>

¹²⁵М. Нургазина. При агроуниверситете в Астане откроется институт Конфуция. КазПравда, 19.06.2015. Доступно: <http://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/pri-agrouniversitete-v-astane-otkroetsya-institut-konfutsiya/>

В 2014 году в КАТУ были созданы «Казахско-китайский центр механизации сельского хозяйства» и «Научная лаборатория биобезопасности».

Полевые исследования и опросы рядовых граждан и специалистов в некоторых городах, где расположены ИК, показали, что интерес к изучению китайского языка стабильно растет, но деятельность институтов Конфуция не всегда хорошо освещается в различных СМИ. Экспертами высказывалось мнение, что ИК целенаправленно стремятся не привлекать большого внимания, работая в плановом режиме. Студенты вузов и рядовые граждане, желающие выучить китайский язык, не имеют четкого представления в отношении преимуществ получения знаний в ИК, нежели в частных образовательных центрах.

Стоит также отметить, что процесс взаимодействия принимающей стороны с Китаем проходит не везде согласованно.

Некоторые опрошенные специалисты считают деятельность ИК в Казахстане все еще недостаточно эффективной. Отмечается, что институты Конфуция, несмотря на некоторый всплеск активности в последние несколько лет, все еще остаются не известными для широких слоев населения. Вместе с тем эксперты отмечают, что ИК не был замешан в каких-либо скандалах, что положительно влияет на имидж институтов в Казахстане.

«Мозговые центры». После оглашения Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» начали открываться не только китайские исследовательские институты по комплексному изучению стран, расположенных вдоль Пути, но и интенсифицировались отношения между авторитетными «мозговыми центрами» Казахстана и Китая. Характер встреч и содержание дискуссий между экспертными сообществами двух стран показывают, что Пекин перед собственными аналитическими структурами поставил задачу по освещению и разъяснению деятельности Китая в рамках реализации инициативы «Один пояс – Один путь».

Студенты ИК КАРГТУ
в Летней школе в Китае.
2016 г.

Посредством создаваемых экспертных площадок и международных сетей аналитических структур китайские «мозговые центры» стремятся наладить конструктивные и доверительные отношения с международными институтами и экспертами. За последние два года были созданы такие платформы, как «Ассоциация мозговых центров Шелкового пути», «Сеть мозговых центров Шелкового пути», «Форум мозговых центров ЭПШП», «Альянс мозговых центров Шелкового пути» и т. д. Часть экспертных обсуждений проходят в рамках мероприятий ШОС и СВМДА.

Более того, ставится задача по постоянному отслеживанию социально-экономической и политической ситуации в странах Центральной Азии и получению экспертных оценок локальных специалистов. Мониторинг публикаций и аналитических материалов о Центральной Азии и Казахстана, в частности, показывает, что уровень компетенции и обширности контактов китайских экспертов с каждым годом значительно растет.¹²⁶

Налаживание профессиональных и личных контактов с региональными экспертами тоже входит в задачи китайских исследовательских структур. Казахстанские специалисты часто приглашаются на различные форумы, конференции и круглые столы в Китае, в частности для ознакомления с достижениями современного Китая, а также для выработки лояльного или положительного отношения к стране и проводимой внешней политике в отношении Казахстана.

Учитывая, что ведущие казахстанские «мозговые центры» финансируются за счет государственного бюджета и занимаются разработкой предложений и рекомендаций для определенных государственных ведомств, а также информируют их о региональных и глобальных тенденциях, китайские аналитические структуры устанавливают партнерские отношения с отечественными структурами в целях косвенного воздействия на государственные ведомства, занимающиеся выработкой экономического и политического курса государства.

Так, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК (КИСИ) в течение двух последних лет провел двусторонние встречи с представителями таких организаций КНР, как Китайская академия современных международных отношений, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН,

¹²⁶САА Network. Центральная Азия в фокусе внимания китайских СМИ – 16 января, 16.01.2016. Доступно: <http://caa-network.org/archives/6512>

Центр по изучению проблем развития при Госсовете КНР, Совет экспертов Проекта CASS-RDI, Комитет внешних связей Всекитайского собрания народных представителей, Китайское народное общество по изучению международных отношений и т. д. Более того, КИСИ посетили с визитом представители Министерства обороны КНР, Министерства общественной безопасности КНР, Министерства коммерции КНР, Комитета Госсовета по контролю и управлению государственным имуществом КНР, Государственного управления по делам энергетики КНР, Посольство КНР в Казахстане.

КИСИ является учредителем казахстанско-китайского экспертного форума. Первое заседание форума прошло в сентябре 2015 г. в Астане. В нем приняли участие эксперты Китайской академии современных международных отношений, Китайской академии общественных наук, Шанхайской академии международных исследований. 26 июня 2016 г. КИСИ совместно с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Казахстане, Китайской академией современных международных отношений и Посольством КНР в Казахстане провели XIV ежегодную Конференцию по безопасности в Центральной Азии. Эксперты КИСИ довольно часто совершают поездки в Китай и стремятся постоянно отслеживать экономические и политические тенденции в этой стране. Например, институт в сентябре 2016 г. издал монографию главного научного сотрудника КИСИ, известного китаевода К. Сыроежкина о проводимой в Китае антикоррупционной кампании при пятом поколении управленцев.

С ноября 2013 г. до сентября 2016 г. Институт мировой экономики и политики Фонда Первого Президента Республики Казахстан посетили представители таких ведущих китайских исследовательских центров и институтов, как Китайская академия современных международных отношений, Шанхайская академия общественных наук, Китайский центр международного экономического обмена, Китайская академия общественных наук (КАОН), Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН, Общество китайской народной дипломатии, Китайский институт международных исследований, Исследовательский центр Государственного совета КНР по развитию и т. д. С некоторыми из этих организаций ИМЭП подписал двусторонние меморандумы о сотрудничестве и провел ряд международных конференций и семинаров.

Основными темами дискуссий стали реализация инициативы «Один пояс — Один путь» (в том числе вопросы сопряжения с

ЕАЭС и казахстанской программой «Нурлы жол»), двусторонние экономические отношения Китая и Казахстана, , вопросы безопасности в Центральной Азии и Афганистане.

До вышеуказанных встреч между китайскими институтами и ИМЭП казахстанский институт посетили представители генерального консульства КНР в г. Алматы, Госкомитета по делам развития и реформы, Министерства иностранных дел и Посольства КНР в Казахстане и мэрии Шанхая.

Эксперты ИМЭП в течение этого времени приняли участие в конференциях в Пекине, Шанхае, Цзянъине и т. д. Стоит также отметить, что ИМЭП в 2015 г. стал членом международной экспертной сети Silk Road Think Tank Network. В течение 2014–2015 гг. институт опубликовал 2 монографии и 10 статей о современном Китае, «Экономическом поясе Шелкового пути» и казахстанско-китайских отношениях.

Аналитический центр Библиотеки Первого Президента РК в 2015 году активно выстраивал партнерские отношения с ведущими китайскими «мозговыми центрами» и государственными структурами, включая КАСМО, КАОН, Шанхайскую академию общественных наук, Китайский институт международных отношений. Центр провел ряд мероприятий с китайскими исследовательскими институтами и организовал совместно с Посольством КНР в Казахстане серию экспертных площадок. Аналитический центр регулярно информирует государственные ведомства Казахстана о складывающихся тенденциях в китайской экономике, военной политике и дипломатических отношениях с другими странами. Сотрудники центра периодически посещают КНР и проводят встречи с представителями китайских вузов, государственных и аналитических структур.¹²⁷

Стоит также отметить интенсификацию отношений между китайскими аналитическими организациями и такими казахстанскими учреждениями, как Академия государственного управления при Президенте Казахстана и Институт экономических исследований Министерства национальной экономики РК. Например, 16 октября 2014 г. Академию госуправления посетила делегация Китайской академии современных международных отношений во главе

¹²⁷China Institute of International Relations, President Su Ge Meets Delegation from Kazakhstan, 22.07.2016. Доступно: http://www.ciis.org.cn/english/2016-07/22/content_8920328.htm

Баннер казахстанско-китайского экспертного форума

с вице-президентом Фу Мэнцзы. Стороны подписали Соглашение о научном обмене и сотрудничестве.¹²⁸

В ноябре 2015 г. Центр международных программ «Болашак» при Министерстве образования и науки РК подписал меморандум о сотрудничестве с Шанхайской академией общественных наук. Согласно подписанному соглашению, молодые ученые и исследователи из Казахстана начиная с 2016 г. смогут пройти научную стажировку в Шанхайской академии.¹²⁹ Благодаря данной стипендиальной программе казахстанские специалисты могут не только повысить уровень китайского языка, но и обзавестись знакомствами с ведущими китайскими экспертами и учеными.

Опрошенные сотрудники казахстанских аналитических центров и вузов в интервью отметили, что их восприятие о Китае после пары поездок в соседнюю страну действительно начало меняться. Они отмечают, что китайские коллеги усердно показывают свое гостеприимство и стремятся установить дружеские и доверительные отношения с ними. Эксперты положительно оценили организацию мероприятий в Китае, отмечая высокий уровень качества торже-

¹²⁸Академия государственного управления при Президенте РК, Казахстан и Китай — пример модели отношений добрососедства и стратегического взаимодействия, 16.10.2014. Доступно: http://www.pa-academy.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=1363:kazakhstan-i-kitaj-primer-modeli-otnoshenij-dobrososedstva-i-strategicheskogo-vzaimodejstviya&catid=22:novosti-i-sobytiya&Itemid=101&lang=ru

¹²⁹Shanghai Academy of Social Sciences, SASS and Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Signed a Cooperation Agreement, 27.11.2015. Доступно: <http://english.sass.org.cn:8001/news/1632.jhtml>

ственных залов, конференц-залов, гостиниц, туристических мест, парков, торговых и развлекательных центров и т. д. Так, известный казахстанский китаевед Клара Хафизова отмечает, что «китайские коллеги со вкусом готовят культурную программу».¹³⁰

Несколько экспертов, в частности независимых, признались, что участвуют в исследовательских проектах, финансируемых китайскими аналитическими центрами. Один из экспертов также отметил, что находился в составе экспертной группы, проводившей исследование об общественном восприятии деятельности одной из китайских государственных компаний, работающей длительное время в Казахстане. Были также зафиксированы случаи обращения китайских «мозговых центров» и исследователей к казахстанским коллегам для написания материалов и статей, выражающих положительное мнение об инициативе «Один пояс — Один путь» и проводимой Китаем внешней политике в Центральной Азии.

Стоит также отметить, что большая часть респондентов отметила, что незнание китайского языка выступает в качестве серьезного барьера для углубления знаний о китайской культуре, традициях, практике повседневной жизни населения и т. д. Несмотря на то, что многие остались под определенным впечатлением от достижений Китая, мало кто из них выразил намерение выехать на ПМЖ в эту страну.

Китайская медицина. Правительственные круги КНР рассматривают традиционную китайскую медицину (ТКМ) в качестве уникального носителя традиций, культуры и ценностей Китая. Пекин придает большое значение популяризации ТКМ в мире. КНР подписал меморандум о сотрудничестве в сфере ТКМ, предусматривающий строительство центра традиционной медицины и центра по исследованию и освоению лекарственных препаратов растительного и животного происхождения.¹³¹ Поддержку в строительстве аналогичного центра в Казахстане выразила компания CITIC Group.¹³²

¹³⁰К. Хафизова. «Зарубежное китаеведение и международный обмен», 19 мая 2014 г., <http://kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/zarubezhnoe-kitaevvedenie-i-mezhdunarodnyu-kul-turnyu-ob>

¹³¹Жэньминь жибао онлайн. В Кыргызстане решили построить центр китайской традиционной медицины, 18.07.2013. Доступно: <http://russian.people.com.cn/31519/8331580.html>

¹³²Хабар. Знакомьтесь: ведущие компании Китая «CITIC Group» и «Цинхуа» 31.08.2015. Доступно: <http://khabar.kz/archive/ru/ekonomika/item/32018-znakomtes-vedushchie-kompanii-kitaya-citic-group-i-tsinkhua>

Почти в каждом крупном и среднем городе Казахстана работают частные центры ТКМ, что говорит о популярности китайской медицины среди населения РК. Эти центры проводят диагностику, профилактику и лечение различных заболеваний и синдромов такими методами ТКМ, как иглоукалывание, лечение огнем, рефлексотерапия, фитотерапия, вакуум-терапия и т. д.

Частные туристические агентства направляют граждан РК в различные китайские медицинские центры, расположенные в таких городах, как Урумчи, Далянь, Шэнгу, Хайнань и т. д. Во многих таких центрах работают русскоязычный персонал и переводчики, что помогает клиентам из стран СНГ получить правильную информацию о своих заболеваниях.

Согласно информации турагентства «Акжол Трэвел», в медицинском центре «Хэшентан» в провинции Хайнань Президент и премьер-министр Казахстана, заместитель премьер-министра России и главы других государств прошли комплекс оздоровительных процедур.¹³³

Наряду с этим казахстанским журналистам Посольство КНР периодически организывает поездки в некоторые крупные медицинские центры Китая, по результатам которых в ряде казахстанских СМИ были опубликованы материалы о ТКМ.¹³⁴ Известны случаи, когда китайские доктора становятся знаменитыми в регионах Казахстана благодаря успешной практике методов ТКМ.¹³⁵

Некоторые медицинские центры тесно сотрудничают с китайскими компаниями, работающими в Казахстане. Например, центр ТКМ «Сад долголетия» в 2015 году подписал Договор о сотрудничестве с компанией «СНПС-Актобемунайгаз». Согласно информации, предоставленной на сайте «Сада», доктора из Китая еженедельно осматривают рабочих «СНПС-Мунайшы». Центр осмотрел 1000 сотрудников, 200 из которых прошли лечение от различных заболеваний.¹³⁶

Сфера ТКМ привлекательна и для молодых казахстанцев. Так, в Пекинском университете китайской традиционной медицины в

¹³³Akzhol Travel. Медицинские центры Китая. Доступно: <http://akzholtravel.com/ru/menu2/treatment/china/>

¹³⁴Деловой Казахстан. За здоровьем — в Шэньгу. 19.11.2015. Доступно: <http://dknews.kz/za-zdorov-em-v-she-n-gu/>:<http://www.voxpopuli.kz/main/hram-zdorovya-sekret-y-kitaysko-y-mediciny-12883.html>

¹³⁵Отырар.кз. В Шымкенте живет и работает целитель из Китая. 08.02.2016. Доступно: <http://otyrar.kz/2016/02/113750/>

¹³⁶Вебсайт Центра китайской медицины «Сад долголетия»: <http://www.sd-cn.kz/blank-5>

Клиника «Традиционная китайская медицина» в Шымкенте

2015 году проходили обучение 36 граждан РК. Стоимость одного года для студентов — около 5,7 тыс. долл. Большинство студентов из Казахстана платят за учебу из своего кармана, лишь несколько человек получили правительственные гранты КНР.¹³⁷ В целом, согласно информации за 2013 год, в Китае работает 65 вузов и техникумов, примерно 60 исследовательских институтов и около 2 тыс. больниц, специализирующихся на лечении пациентов методами ТКМ.

Некоторые китайские специалисты сетуют на то, что количество центров и лиц, занимающихся ТКМ, не имеющих соответствующие лицензии и навыки, стремительно растет. Учитывая популярность ТКМ в Казахстане, в стране открылось очень много частных центров, которые не всегда оказывают качественное лечение.

В целом, ТКМ стала одним из популярных инструментов «мягкой силы» Китая, развивающегося самостоятельно без воздействия Пекина. Вместе с тем снижение качества предоставляемых услуг частными медицинскими центрами в Казахстане могут ухудшить отношение потребителей к бренду ТКМ. Учитывая, что правительство КНР не имеет возможности регулировать сферу оказания частных услуг по лечению и профилактике заболева-

¹³⁷КазИнформ. В Пекине обучаются 36 будущих казахстанских специалистов китайской традиционной медицины. 14.04.2016. Доступно: <http://www.inform.kz/rus/article/2765523>

ний, проецирование каких-либо санкционированных Пекином воздействий через «мягкую силу» осложняется.

Культурно–гуманитарное сотрудничество. 31 августа 2015 г. в ходе государственного визита Президента РК Н. Назарбаева в Китай было подписано двустороннее Соглашение между правительствами двух стран о культурно-гуманитарном сотрудничестве. В 2015 г. в университетах иностранных языков в Пекине, Шанхае и Даляне были открыты «Центры Казахстана». Стороны проводят различные культурные мероприятия: презентации книг, показ фильмов, выставки, концерты и многое другое. Впервые в Китае прошли «Абаевские чтения». В этом году в рамках 3-го Международного кинофестиваля «Шелковый путь» в г. Сиань была показана картина казахстанских кинорежиссеров «Так сложились звезды». Министерство культуры и спорта РК на полях фестиваля подписало соглашение с китайскими киностудиями для совместного производства документального фильма о Марко Поло.¹³⁸

Посольство КНР совместно с китайскими и казахстанскими государственными органами проводит различные культурные мероприятия в рамках проекта «Знакомство с Китаем», которое реализовалось примерно в 40 странах мира, включая Францию, Германию, США, Бразилию, Нигерию и т. д. В середине августа т. г. прошли выставки инновационных проектов и проведена презентация туристических мест Китая. Жители Алматы насладились концертом «Шелковый путь – дружба на века». В Астане, в свою очередь, прошло эстрадное шоу «Привязанность к Шелковому пути», на котором выступили мастера боевых искусств, тайцзиюаня, акробатики, Пекинской оперы и других видов искусств из провинций Хэнань, Сычуань и пр.

2017-й был объявлен Годом Китая в Казахстане. В связи с чем туристический бизнес РК заявил о запуске программы China Friendly, направленной на удовлетворение потребностей туристов из КНР. Так, с 1 июля 2016 г. туристы из КНР могут посещать Казахстан группами. По данным Комитета статистики РК, количество въездных туристов из КНР выросло со 108 630 человек в 2010 году до 228 617 – в 2014-м. Китайские представители тоже активно

¹³⁸КазПравда. Фильм «Так сложились звезды» принял участие в международном фестивале в Китае. 24.09.2016, <http://www.kazpravda.kz/news/kultura/film-tak-slozhilis-zvezdi-prinyal-uchastie-v-mezhdunarodnom-festivale-v-kitae/>

приглашают казахстанцев посетить КНР, в частности провинцию Сычуань для посещения заповедника с пандами.¹³⁹

Казахстанцы в таких крупных городах, как Алматы и Астана, с большим интересом посещают различные культурные мероприятия, организованные диппредставительствами КНР. Посольство КНР очень часто рассылает приглашения на концерты, выставки и другие мероприятия представителям государственных структур, аналитических организаций, университетов и деятелям культуры Казахстана.

Вместе с тем интерес к китайской музыке, «мыльным операм» и кинофильмам остается на низком уровне. Многим казахстанцам среднего возраста пусть и запомнился фильм «Крадущийся тигр, затаившийся дракон», подросткам и молодежи больше всего нравятся фильмы, снятые Голливудом, корейские поп-группы и сериалы, российские и западные исполнители. Хотя среди казахстанцев очень популярны книги с изречениями Конфуция и «Искусство войны» Сунь Цзы.

СМИ. Китай в последние годы уделяет особое внимание информационному сопровождению китайских инициатив и действий, направленных на углубление и развитие отношений с Казахстаном. Чаще приглашаются международные журналисты в страну, в том числе для освещения крупных политических мероприятий. В Пекине в начале июля 2016 г. был создан Центр зарубежных журналистов, учрежденный Всекитайской ассоциацией журналистов. В задачи центра входит организация пресс-туров для иностранных специалистов, предоставление справочных услуг и содействие в организации интервью и подготовке материалов о Китае.¹⁴⁰

В Пекине стал проводиться форум сотрудничества СМИ «Один пояс, один путь», на который в последний раз были приглашены представители более 200 различных СМИ со всего мира. В мероприятии также участвуют высокопоставленные чиновники правительства и бизнесмены Китая. От казахстанской стороны был приглашен президент Национальной компании «Казинформ».

Отметим, что в 2012 г. «Казинформ» и агентство «Жэньминьван», являющееся интернет-центром газеты «Жэньминь жибао», подписали соглашение о сотрудничестве в области электронной информации. «Казинформ» является первым из казахстанских СМИ, открывшим корреспондентский пункт в Китае. Данное новостное

¹³⁹Tengrinews. Казахстанцев зовут в Китай посмотреть на панд. 23.08.2016. Доступно: <https://tengrinews.kz/asia/kazahstantsev-zovut-v-kitay-posmotret-na-pand-300889/>

¹⁴⁰Посольство КНР в РК. Пресс-релиз, 29.07.2016. Доступно: <http://kz.chineseembassy.org/rus/sgxx/sgdt/t1385683.htm>

Баннер гала-концерта «Великий Шелковый путь — крепкая дружба навеки». Вход во Дворец мира и согласия в Астане

агентство очень часто освещает значимые события, происходящие в Китае, уделяя особое значение новостям, связанным с казахстанско-китайским сотрудничеством.

Казахстанские журналисты по приглашению Пресс-канцелярии Госсовета КНР периодически выезжают в Китай для ознакомления с достижениями КНР. Так, в рамках программы «Прикоснись к Китаю» журналисты из Казахстана в этом году посетили компании автопрома, строительные предприятия, научно-исследовательские центры. Китайской стороной были также организованы экскурсии в редакции телерадиоканалов и газет Китая.¹⁴¹ Отметим, что республиканская экономическая газета «Деловой Казахстан» очень часто публикует статьи о Китае или перепечатывает материалы агентства «Синьхуа».

Начиная с мая 2016 г. «Жэньминь Хуабао» начал выпускать ежемесячный журнал «Шелковый путь — Ревю», издаваемый на русском и казахском языках. Учредителем журнала стало Управление КНР по делам издания и распространения литературы на иностранных языках. Как отметил руководитель Пресс-канцелярии Госсовета КНР Ц. Цзяньго, миссией данного журнала является «разъяснение важного значения «Экономического пояса Шелкового пути» и совместная фиксация прекрасных и трогательных моментов в процессе сопряжения и сотрудничества Китая и стран Центральной Азии». Распространением журнала «Шелковый путь — Ревю» в Казахстане занимается газета «Комсомольская правда

¹⁴¹Посольство КНР в РК. Пресс-релиз. 29.07.2016. Доступно: <http://kz.chineseembassy.org/rus/sgxx/sgdt/t1385683.htm>

Церемония презентации журнала «Шелковый путь – Ревю» в Астане

– Казахстан». Ежемесячный тираж – 10 тысяч экземпляров. В журнале можно найти статьи о китайской кухне, университетах КНР, предоставляющих образование студентам из ЦА, промышленных и инфраструктурных объектах, строящихся при поддержке Китая, международных организациях, таких как ШОС.

Вместе с тем данные информационные ресурсы не знакомы широким слоями населения. Казахстанцы предпочитают смотреть российские телеканалы и читать российские и казахстанские печатные и электронные издания. Мало кто из граждан Казахстана знаком с работами современных китайских писателей и ученых.

Хотя после получения китайским писателем Мо Янем Нобелевской премии в 2012 г. интерес к китайской литературе немного вырос среди русскоговорящего населения Казахстана. Как писала Клара Хафизова в одной из статей за 2014 год,¹⁴² переводом книг Мо Яна намеревалась заняться одно из издательств Казахстана, но, по всей видимости, соглашение по данному вопросу не было достигнуто. В любом случае, книги китайских писателей переводятся на русский язык российскими издательствами, чья продукция распространяется по Казахстану через книжные и онлайн-магазины.

В целом, учитывая масштабное информационное и культурно-интеллектуальное воздействие России, Пекин твердо оценивает свои скромные возможности и уровень конкурентоспособности в сфере развития китайских средств массовой информации и распространения, санкционированного медиа-имиджа КНР в Казахстане. Следовательно, одним из наименее развитых инструментов китайской «мягкой силы» остается сфера СМИ.

¹⁴²К. Хафизова. «Зарубежное китаеведение и международный обмен», <http://kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/zarubezhnoe-kitaevvedenie-i-mezhdunarodnyy-kul-turnyy-ob>

Заключение

В современном мире политической мультиполяризации «мягкая сила» приобретает все более значимое место в международных отношениях и уже стала одинаково важной, даже, возможно, еще более важной силой, по сравнению с «жесткой силой». Ученые всего мира изучают влияние «мягкой силы» Китая на различные регионы и страны. Однако, недостаточно внимания уделяется смысловому наполнению понятия «мягкой силы» внутри страны. Китайские ученые продолжают формировать концепцию «мягкой силы» с особенностями Китая, отходя от концепции, предложенной Дж. Наем. Нельзя не признать того факта, что главного в «мягкой силе» — привлекательности и убедительности Китаю действительно не хватает. Но в равной степени сегодня этого не достает и «мягкой силе» Западного мира. Более того, Китай заявляет, что не намерен ни сейчас, ни в будущем навязывать свои идеи и свой путь развития другим странам, выдавая его за универсальный эталон общественного устройства.

Мягкую силу Китая по своей природе трудно измерить. Экономическое благополучие является мощным стимулом для стран, пытающихся встать на путь развития, однако, пока еще китайское финансирование и строительство инфраструктурных проектов не переходят непосредственно в способность Пекина оказывать влияние в странах-получателях. Например, местные общины в странах Южной и Юго-Восточной Азии, таких как Мьянма и Шри-Ланка, выразили недовольство растущим присутствием Китая. Даже в Пакистане, где широко распиарен Китайско-пакистанский экономический коридор, некоторые специалисты опасаются, что такие проекты могут поставить под угрозу национальные интересы. Понимая эти нюансы, Поднебесная наращивает мягкую силу и актуализирует ее применение, в том числе, в регионе Центральной Азии.

Если говорить о Казахстане, то, пусть с переменным успехом, но Китаю удастся применять «мягкую силу» на различные слои казахстанского общества. Наше исследование подтвердило, что наи-

более прагматично настроенные круги, в частности политический истеблишмент и крупный бизнес РК, видят конкретные выгоды от сотрудничества с КНР. Это, в свою очередь, приводит к благосклонному отношению к инициативам, выдвигаемым Пекином. Развернутые правительством РК программы по индустриализации и инфраструктурному развитию свидетельствуют не только о стремлении страны снизить зависимость экономики от колебаний цен на мировых сырьевых рынках, но и демонстрируют намерение в определенной степени «отдать на аутсорсинг» имплементацию антикризисной программы Китаю.

По сути, т. н. «сопряжение» программы «Нурлы жол» и инициативы «Один пояс — Один путь» является еще и «сопряжением» положительных ожиданий политических и деловых кругов Казахстана от китайской инициативы. Правительственные круги, если даже полностью не утратили осмотрительности по отношению к Китаю, отчетливо понимают, что благодаря китайским инвестициям и учреждению совместных промышленных предприятий, казахстанская политическая система сможет сохранить или даже повысить собственную резистентность в условиях ухудшения социально-экономической ситуации в стране и сокращения доходов крупных энергодобывающих компаний РК.

Парадоксально, но казахстанское правительство стремится «запрыгнуть на китайский поезд» в целях сохранения внутривнутриполитического статуса-кво, несмотря на стремление диверсифицировать отечественную экономику. Казахстанский истеблишмент заинтересован в консервации и консолидации вертикальных отношений между властью и обществом за счет ресурсов, которые страна будет получать от промышленных предприятий, а также инфраструктурных и транспортно-логистических проектов, спонсируемых Китаем.

Следовательно, существует попытка приумножения ресурсной базы Казахстана за счет китайской деловой и инвестиционной активности для дальнейшего воспроизводства легитимности власти, в частности через создание рабочих мест, улучшение обветшалой инфраструктуры, содействие казахстанскому агропромышленному бизнесу в выходе на китайский рынок и т. д.

Вероятно, такая ситуация приводит к тому, что Пекин оценивает эффективность применения собственной «мягкой силы» на казахстанском обществе, прежде всего, через призму взаимодействия с властью, что не представляет собой что-то экстраординарное. Вместе с тем само понятие «мягкой силы» в классической ее

трактовке включает воздействие именно на широкую аудиторию. Возможно, Пекин, выделяя средства на экономическое развитие Казахстана, рассматривает казахстанские элиты в качестве некоего «проводника интересов» КНР в стране, что приводит к тому, что отношения с казахстанским истеблишментом с точки зрения проецирования «мягкой силы» на казахстанское общество выходят на первый план для Китая.

Парадоксально, но такого рода подход, учитывая быстрый рост китайского присутствия в Казахстане, не обязательно оказывает положительный эффект на восприятие Китая рядовыми казахстанцами. Уровень антикитайских настроений не только не сбавился, но и значительно вырос, что говорит о том, что Китай, несмотря на масштабные капиталовложения, не расценивается все еще в качестве «органичного» внешнего игрока в Казахстане. Безусловно, крайне сложно одномоментно искоренить исторически сложившиеся фобии и стереотипы о Китае.

Китай стремится наглядно показать, насколько он динамично и успешно развивается. Очень много казахстанцев посетили и посещают Китай, и многие из них сравнивают, какой была соседняя страна 10–15 лет назад и какой стала сегодня. Но чувство восторженности не распределено равномерно внутри казахстанского общества. Безусловно, любое общество является неоднородным, и наличие разных точек зрения и мнений касательно того или иного аспекта социально-политической, экономической, культурной жизни страны показывает, что общество имеет здоровые тенденции, если оно, конечно же, не впадает в различные крайности. В этой связи, как показало наше исследование, действующая политическая элита может расценивать китайскую активность в стране более положительно, чем, например, казахскоязычное население.

Мы также рассказали, как образование в Китае и китайская традиционная медицина позволяют заработать денег отечественным предпринимателям. Что касается молодежи, то заметно, что все больше представителей молодого поколения казахстанцев стремятся получить образование в КНР, и чем больше будет совершенствоваться образовательная система и материально-техническая база высших учебных заведений Китая, тем больше граждан РК будет привлекать соседняя страна для получения знаний и профессиональных навыков.

Как нам кажется, именно возможность приумножения капитала и развития собственного бизнеса, а также повышение уровня

образования для трудоустройства в Казахстане на хорошо оплачиваемую работу представляют собой главный побудительный мотив, стимулирующий казахстанцев познавать Китай и рассматривать его в качестве привлекательной страны. То есть, именно наличие материально-финансовых ожиданий от взаимодействия с Китаем и его субъектами не вызовет противодействия китайской «мягкой силе». Но те слои населения, которые не увидят пользы от сотрудничества с Китаем, скорее всего, и дальше будут сохранять негативное отношение к восточному соседу.

В то время как специалисты продолжают дискуссии о том, способствуют ли поощрение традиций, ценностей, языка и культуры Китая увеличению количества его международных партнеров и союзников, Пекин продолжает выделять огромные средства для улучшения имиджа страны. Несмотря на различные оценки мягкой силы Китая как на Западе, так и у нас в Центральной Азии, Поднебесная постепенно достигает своих целей. Хорошо это или плохо для нас — вопрос который требует более углубленного изучения. А для этого критически необходимо на системной основе вести исследования, в первую очередь по китайскому направлению.

АЛМАТЫ, 2018